

Старостин С. А.

АЛТАЙСКАЯ ПРОБЛЕМА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

Часть I (фонетические соответствия между алтайскими языками, лексикостатистика)

Введение

К алтайской семье традиционно относят тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки, а также (но с несколько большим сомнением) корейский. Принадлежность к алтайской семье также и японского языка до сих пор находится под вопросом, хотя эта теория имеет своих активных сторонников.

Меня первоначально занимала лишь проблема внешних связей японского языка, и с самого начала теория его принадлежности к алтайской семье представлялась наиболее вероятной. Однако на пути доказательства алтайского происхождения японского языка встает одно весьма существенное препятствие: не прекращающиеся споры о существовании самой алтайской семьи как генетического единства языков. Действительно, если тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские и корейский языки не связаны между собой генетически, то вопрос об "алтайском" характере японского языка автоматически снимается. В таком случае можно обсуждать лишь проблемы связи японского с какой-либо одной из перечисленных лингвистических единиц или же - проблему вхождения японского вместе со всеми перечисленными языками в более древнюю ностратическую семью на правах отдельной подгруппы¹; наконец, можно вообще оспаривать континентальные связи японского языка и пытаться доказать его принадлежность, например, к австронезийской семье. Так или иначе, "алтайская проблема" и ее негативное или позитивное решение является совершенно неизбежной предпосылкой вопроса о внешних связях японского языка.

Как известно, для констатации генетического родства двух или более языков необходимы следующие условия:

1) наличие между этими языками системы регулярных фонетических соответствий;

2) наличие достаточно большого количества совпадающей базисной лексики, на множестве которой выполняются упомянутые регулярные фонетические соответствия;

3) желательны также наличие достаточно большого числа совпадающих грамматических морфем, на множестве которых также выполняются регулярные фонетические соответствия.

Последнее условие, впрочем, в общем случае не является необходимым и достаточным: во-первых, известно, что в грамматических морфемах довольно часто нарушаются регулярные фонетические соответствия; во-вторых, существуют языковые семьи с исключительно неустойчивой морфологией (например, изолирующие сино-тибетские языки и т.п.).

Историческая морфология алтайских языков разработана довольно подробно (см. обзор [Баскаков, 1981,56-93]). Известны многочисленные морфологические и синтаксические параллели, объединяющие все алтайские языки (включая корейский и японский); глубинная структурная близость этих языков также не вызывает никаких сомнений. Однако, как говорилось выше, этот момент не является определяющим при рассмотрении их генетических связей. В данной работе я, поэтому, не буду рассматривать морфологию, а остановлюсь лишь на фонетических и лексических проблемах. Предлагаемая работа состоит, таким образом, из трех частей:

(1) Фонетические соответствия между тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими и корейским языками.

(2) Лексикостатистика (на материале этих языков).

(3) Проблема генетической принадлежности японского языка.

В приложении я привожу результаты лексикостатистического обследования алтайских языков (включая корейский и японский), а также фрагмент этимологического словаря алтайских языков (корни, содержащиеся в контрольных лексикостатистических списках). Следует сказать, что все приложение представляет собой распечатку компьютерной базы данных по алтаистике, составленной автором в рамках лингвистического пакета программ STAR (для персональных компьютеров), специально разработанного мною в 1988-1989 гг. для целей лексикостатистики и обработки больших лексикографических массивов. Система STAR использовалась также для подготовки к печати всего текста настоящей работы.

Пользуюсь случаем выразить благодарность Ю.Х.Сирку и Е.А.Хелимскому, ознакомившимся с работой в рукописи и сделавшим ряд ценных замечаний, и особую признательность О.А.Мудраку и А.В.Дыбо за многочисленные обсуждения и помощь, оказанную на всех этапах работы.

Глава I

Фонетические соответствия между тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими и корейским языками

Консонантизм

В классическом труде Н.Поппе [Porpe, 1960] исходная праалтайская система консонантизма восстанавливается так:

p	b	m	
t	d	n	r ₁ , r ₂ l ₁ , l ₂
k	g	ŋ	
č	ž	ń	s j,

т.е. насчитывает 18 фонем.

Соответствия устанавливаются следующие:

	тюрк.	монг.	ТМ	кор.
*b	(*h-)>0-,p	*p->ср.-мо.h-, п.-мо.0-	*p-,p	p-,ph-,p(=b)

		*-p->-b-/-γ-(-0-)		
*b	*b-,b ²	*b-,b-/-γ-(-0-)	*b-,w	p-,w
*m	*b-,m	*m-,m	*m-,m	m-,m
*t	*t-,t	*t, *č (перед *i, *i), -d (в ауслате и конце слага)	*t-,t	t-,th-,t(h)
*d	*j-,d ²	*d, *ž (перед *i, *i)	*d-,d	t-,t(=d)
*n	*j-,n	*n-,n	*n-,n	n-,n
*r ₁	*-r-	*-r-	*-r ⁻⁴	-l-(=-r-)
*r ₂	*-r ₂ -(=-r ⁻) ³	*-r-	*-r-	-l-(=-r-)
*l ₁	*-l-	*-l-	*-l ⁻⁴	-l-(=-r-)
*l ₂	*-l ₂ -(=-l ⁻) ³	*-l-	*-l-	-l-(=-r-)
*k	*q-/k-, -q/- -k-	*q-/k-, -q/-k- ~ -G-/g-, -G-/g-	*k ⁻⁵ ,k	k-,k(=g)
*g	*q-/k-, -γ-/g ⁻²	*G-/g-, -G-/g-/-γ-	*g ⁻⁶ ,g	k-,k(=g)/h
*ŋ	*-ŋ-	*-ŋg-/-γ-, -ŋ	*-ŋ-	-ŋ-
*č	*č-,č	*č-, -č-, -s	*č-,č	č,čh
*ž	*j	*ž	*ž ⁷	č-,č(=ž)

*ń	*j-,ń	*n-,n	*ń-,ń	n-,*ń ⁸
*s	*s-,s	*s-,s	*s-,s	s-/h-,s ⁹
*j	*j-,j	*j-/0(перед *i,*i),	*j-,j	j-(0),-j-
		-j-/γ-		

В постулируемую в трудах Г.Рамстедта и Н.Поппе систему праалтайского консонантизма в настоящее время необходимо внести некоторые модификации.

(1) В.М.Иллич-Свитыч в двух работах [Иллич-Свитыч, 1963; Иллич-Свитыч, 1965] предложил восстанавливать в пратюркском в анлауте противопоставление глухих/звонких смычных дентальных и велярных согласных на основании следующих соответствий:

ПТ	огуз.(тур.,гаг.,аз.,туркм.)	тув.-караг.
*t-	t-/d-	t-/d-
*d-	d-	d-
*k- (у Иллич-Свитыча *k'-)	k-/g-	x-,k'-/k-
*g-	g-	k-

Точку зрения В.М.Иллич-Свитыча подверг обстоятельной критике А.М.Щербак [Щербак 1970, 90-95]. Он показал, что прямой корреляции огузских и тувинских фактов не существует, и выдвинул предположение, что как в тувинском, так и в огузских языках происходил процесс ослабления начальных глухих согласных, затронувший, однако, не всю лексику равномерно. Однако утверждение

А.М.Щербака, что "слова с начальными глухими (сильными), с одной стороны, и слова с начальными звонкими (слабыми) с другой, не образуют последовательно разграниченных рядов даже внутри группы огузских языков" [Щербак, 1970], по-видимому, не соответствует действительности. Анализ даже того материала, который приведен в работе А.М.Щербака, показывает, что внутри огузских языков наблюдаются вполне регулярные соответствия между азербайджанским и туркменским языками.

1) Аз. t- : туркм. t-.

Аз. tabaG : туркм. tābak 'блюдо'; аз. tojuG : туркм. towuq 'курица'; аз. tanī- : туркм. tanī- 'знать'; аз. tap- : туркм. tap- 'находить'; аз. täz- : туркм. ted- 'убегать', 'скрываться'; аз. tākä : туркм. tākä 'козел'; аз. tülkü : туркм. tilki 'лиса'; аз. toz : туркм. tōd 'пыль'; аз. toχmaG : туркм. toqmaq 'колотушка'; аз. toχta- : туркм. toχta- 'останавливаться'; аз. toj : туркм. toj 'свадьба', 'пир'; аз. topraG : туркм. topraq 'земля', 'почва'; аз. toruG : туркм. toruq 'коленная чашечка'; аз. tut- : туркм. tut- 'держать'; аз. tük : туркм. tūj 'волосок', 'шерсть'.

Во всех этих случаях турецкий также имеет t- (тур. tabak, tawuk, tanī-, teke, tilki, toz, tokmak, toj, toprak, toruk, tut-, tūj). Ср. еще тур. tawuř : туркм. towuř 'звук'; тур. togun : туркм. tōgun 'верблюжонок'; тур. tün : туркм. tün 'ночь', 'вечер'.

2) Аз. d- : туркм. d-.

Аз. daban : туркм. dāban 'подошва'; аз. daу : туркм. dāG 'гора'; аз. dajan- : туркм. dajan- 'опираться'; аз. damar : туркм. damar 'кровеносный сосуд'; аз. damžī : туркм. damža 'капля'; аз. daу : туркм. daу 'заря', 'рассвет'; аз. dar : туркм. dār 'узкий'; аз. dara- : туркм. dara- 'расчесывать'; аз. dart- : туркм. dart- 'тянуть'; аз. dař : туркм. dāř 'камень'; аз. dař- : туркм. dāř- 'переливаться через край'; аз. de : туркм. dij- 'говорить'; аз. dāwä : туркм. düje 'верблюды'; аз. dāj- : туркм. deg- 'трогать'; аз. dāmir : туркм. demir 'железо'; аз. deř- : туркм. deř- 'пробивать дыру'; аз. dārin : туркм. derin 'глубокий'; аз. dib : туркм. düjr 'дно'; аз. dinlä- : туркм. dinle- 'слушать'; аз. dirnaG : туркм. dirnaq 'ноготь'; аз. diz : туркм. dd 'колени'; аз. diř : туркм. diř 'зуб'; аз. diřari : туркм. dař 'внешний'; аз. düz- : туркм. düd 'нанизывать'; аз. dil : туркм. dil 'язык'; аз. dil- : туркм. dil- 'резать пластинами'; аз. dilä- : туркм. dile- 'желать'; аз. doGGuz : туркм. doqud 'девять'; аз. dol- : туркм. dōl- 'наполняться'; аз. dolū : туркм. dōli 'град'; аз. don : туркм. dōn 'халат'; аз. don : туркм. don 'мороз'; аз. döl : туркм. döl 'зародыш', 'детеныш'; аз. dōn- : туркм. dōn- 'поворачиваться'; аз. dōř : туркм. dōř 'грудь животного'; аз. dōřä- : туркм. düře- 'расстилать'; аз. dörd : туркм. dōrt 'четыре'; аз. dul :

туркм. *dul* 'вдова'; аз. *dur-* : туркм. *dur-* 'стоять'; аз. *duz* : туркм. *dūd* 'соль'; аз. *duzaG* : туркм. *duđaq* 'петля'; аз. *durna* : туркм. *durna* 'журавль'; аз. *düş-* : туркм. *düş-* 'падать'; аз. *dünän* : туркм. *düin* 'вчера'; аз. *dür-* : туркм. *düir-* 'сворачивать'; аз. *düj-* : туркм. *düw-* 'завязывать узлом'.

В этих случаях турецкий также имеет, как правило, *d*, ср.: *dağ* 'гора', *dajap-* 'опираться', *damar* 'жила', *damla* 'капля', *dar* 'узкий'; *di-* ~ *de-* 'говорить', *dewe* 'верблюд', *dej-* 'трогать', 'касаться', *demir* 'железо', *deş-* 'пробивать дыру', *derin* 'глубокий', *dip* 'дно', *dinle-* 'слушать', *diz* 'колени', *diş* 'зуб', *diş* 'внешний', *diz-* 'нанизывать', *dil* 'язык', *dil-* 'резать пластинами', *dile-* 'желать', *dokuz* 'девять', *dol-* 'наполняться', *dolu* 'град', *don* 'халат', *don* 'мороз', *döl* 'зародыш', *dön-* 'поворачиваться', *döş* 'грудь', *döşe-* 'расстилать', *dört* 'четыре', *dul* 'вдова', *dur-* 'стоять', *düş-* 'падать', *dün* 'вчера', *dür-* 'сворачивать', *düj-* 'завязывать узлом'. Ср. еще: аз. *däxi* : тур. *dahi* 'также'; аз. *dal-* : тур. *dal-* 'остолбенеть'; аз. *daz* : тур. *daz* 'лысый'; туркм. *dn-* : тур. *din-* 'успокаиваться'; аз. *did-* : тур. *dit-* 'теребить'; аз. *dişi* : тур. *dişi* 'самка'; туркм. *dör* : тур. *dogu* 'гнедой'; туркм. *düjš* : тур. *düş* 'сон'.

Есть, однако, небольшая группа слов, где турецкий имеет *t*- при туркм., аз. *d-*, ср.: *taban* 'подошва' (аз. *daban*, туркм. *dāban*); *tan* 'заря' (аз. *dan*, туркм. *dan*); *tara-* 'расчесывать' (аз., туркм. *dara-*); *tart-* 'тянуть' (аз., туркм. *dart-*); *taş* 'камень' (аз. *daş*, туркм. *dāş*); *taş-* 'переливаться через край' (аз. *daş-*, туркм. *dāş-*); *taşı-* 'перевозить' (аз. *daşı-*); *tırnak* 'ноготь' (аз. *dırnaG*, туркм. *dırnaq*); *tuz* 'соль' (аз. *duz*, туркм. *dūd*); *tuzak* 'петля' (аз. *duzaG*, туркм. *duđak*); *turna* 'журавль' (аз., туркм. *durna*).

Легко заметить, что все перечисленные случаи соответствия аз., туркм. *d-* и тур. *t-* наблюдаются перед задними гласными (*a*, *i*, *u*) и полностью отсутствуют перед передними гласными. Можно полагать, что исконный звонкий **d-* в турецком (османском) подвергался спорадическому процессу оглушения перед задними гласными (аналогичный процесс привел к полной нейтрализации противопоставления глухих/звонких велярных в этой же позиции, см. ниже); во всяком случае, согласное свидетельство азербайджанских и туркменских данных позволяет рассматривать ситуацию в турецком как вторичную.

Итак, схема соответствий анлаутных дентальных в огузских языках имеет следующий вид:

п.-ог.	аз.	тур.	туркм.
*t-	t-	t-	t-

*d-	d-	d-/t- d-

(в тур. t- перед задними гласными, d- перед передними гласными)

Из данного правила есть всего несколько исключений (по материалам А.М.Щербака): аз. *daj*, тур. *taj*, туркм. *taj* 'жеребенок'; тур. *dal* : аз. *tāl* 'тальник', 'ветвь'; аз. *tän* : тур., туркм. *deŋ* 'одинаковый'; аз. *tär-* : тур. *ter-* : туркм. *der-* 'лягать'; аз. *tär* : тур. *ter* : туркм. *der* 'пот'; аз. *där-* : тур. *derle-* : туркм. *tir-* 'собирать'; аз. *tixa-* : тур. *tik-* : туркм. *diq-* 'втыкать'; аз. *tök-* : тур., туркм. *dök-* 'лить', 'сыпать'; аз. *däjirmi* : тур. *dejirmi* : туркм. *tegelek* 'круглый'; аз. *törä-* : туркм. *döge-* 'рождаться'; тур. *dujnak* : туркм. *tojnaq* 'копыто'; аз. *tuš-gäl-* : туркм. *düş-* 'встречаться'. Эти отклонения (их всего 12 при 23 регулярных примерах на *t- и 57 регулярных примерах на *d-) могут объясняться разными причинами, в частности, междиалектными заимствованиями. Во всяком случае, наличие исключений вряд ли может поставить под сомнение общее правило, сформулированное выше.

В целом аналогичная ситуация выявляется при анализе огузских анлаутных веларных k- и g- с тем только отличием, что перед задними гласными во всех огузских языках произошла, повидимому, ранняя нейтрализация противопоставления по глухости/звонкости. В результате в современных огузских языках имеем перед задними гласными всегда единообразные рефлексy (аз., туркм. G-, тур. k-). Но перед передними гласными устанавливаются вполне регулярные соответствия:

1) Аз. k- : туркм. k-.

Аз. *kečä* : туркм. *keče* 'войлок'; аз. *kešik* 'стража', 'охрана' : туркм. *keşik* 'забота'; аз. *käläz* : туркм. *kelreze* 'ящерица'; аз. *kälin* : туркм. *kelek* 'безрогий', 'комолый'; аз. *käklik* : туркм. *käkilik* 'куропатка'; аз. *käräk* : туркм. *kerек* 'отруби'; аз. *kärpiž* : туркм. *kerpič* 'кирпич'; аз. *käsäk* : туркм. *kesek* 'комок'; аз. *käsär* : туркм. *keser* 'режущее орудие, нож'; аз. *käs-* : туркм. *kes-* 'резать'; аз. *kim* : туркм. *kim* 'кто'; аз. *kir* : туркм. *kir* 'грязь'; аз. *kiriš* : туркм. *kiriš* 'тетива'; аз. *kiršan* 'пудра'; туркм. *kiršan* 'пыль'; аз. *kičik* : туркм. *kiči* 'маленький'; аз. *kiši* : туркм. *kiši* 'мужчина'; аз. *köz* : туркм. *köz* 'пылающие угли'; аз. *köjnäk* : туркм. *köjneк* 'рубашка'; аз. *kök* : туркм. *kök* 'корень'; аз. *kökä* : туркм. *köke* 'вид лепешки'; аз. *kölä* : туркм. *köle* 'раб'; аз. *kölge* : туркм. *kölege*

'тень'; аз. kömäk : туркм. kömek 'помощь'; аз. kömür : туркм. kömür 'уголь'; аз. könül : туркм. könül 'сердце', 'душа'; аз. körük 'пена': туркм. körük; аз. kögrä : туркм. kögre 'малыш', 'младший'; аз. kögrü : туркм. kögri 'мост'; аз. köruk : туркм. köruk 'кузнечный мех'; аз. kötäk : туркм. kötek 'удар', 'взбучка'; аз. köšek : туркм. köšek 'верблюжонок'; аз. kükrä- : туркм. kükre- 'сердиться', 'возбуждаться'; аз. kül : туркм. kül 'пепел', 'зола'; аз. күнж : туркм. күнжек 'угол'; аз. күрäk : туркм. күрек 'лопата'; аз. күт : туркм. күтек 'тупой'.

В этих случаях турецкий также регулярно имеет k-, ср. keşe 'войлок', керек 'отруби', kesek 'комок', kes- 'резать', kim 'кто', kir 'грязь', kiriş 'тетива', küçük 'маленький', kişi 'человек', kök 'корень', köle 'раб', kömür 'уголь', körük 'пена', kögri 'мост', köruk 'кузнечный мех', kül 'зола', күрек 'лопата', kälär 'ящерица', kirpiş 'кирпич', kömek 'помощь', kögre 'новорожденный ягненок', keklik 'куропатка'. Не соответствуют только gömlek 'рубашка' (аз. köjnäk, туркм. köjnek), gölge 'тень' (аз. kölge, туркм. kölege) и gönül 'сердце', 'дух' (аз. könül, туркм. könül).

2) Аз. g- : туркм. g-

Аз. geј- : туркм. geј- 'надевать'; аз. gen : туркм. gēn 'широкий'; аз. gerčäk 'верный' : туркм. gerček 'удалой', 'смелый'; аз. get- : туркм. git- 'идти', 'уходить'; аз. gež : туркм. gič 'поздний'; аз. gežä : туркм. giže 'ночь'; аз. gäz 'зарубка': туркм. ged 'мера длины'; аз. gäz- : туркм. ged-'ходить', 'гулять'; аз. gäјir- : туркм. gāgir- 'рычать'; аз. gälin : туркм. gelin 'невестка'; аз. gäl- : туркм. gel- 'приходить'; аз. gämi : туркм. gāmi 'корабль'; аз. gämir- : туркм. gemir- 'грызть'; аз. gänä : туркм. gāne 'клев'; аз. gänäš- : туркм. geņeš- 'советоваться'; аз. gäräk : туркм. gerek 'нужно'; аз. gär- : туркм. ger- 'растягивать'; аз. gätir- : туркм. getir- 'приносить'; аз. gizlä- : туркм. gidle- 'прятать'; аз. gileј : туркм. giłe 'жалоба'; аз. gir- : туркм. gir- 'входить'; аз. gižik : туркм. giži 'зуд'; аз. göbäk : туркм. göbek 'пуп'; аз. gödäk : туркм. gödek 'короткий'; аз. göz : туркм. göz 'глаз'; аз. gözä- : туркм. göze- 'штопать'; аз. gözlä- : туркм. gözle- 'ждать', 'стеречь'; аз. göј : туркм. gök 'небо', 'синий'; аз. göјüš : туркм. gāwüş 'жвачка'; аз. gön : туркм. gön 'кожа', 'шкура'; аз. göndär- : туркм. gönder- : 'посылать'; аз. gör- : туркм. gör- 'видеть'; аз. güwä : туркм. güje 'моль'; аз. gül- : туркм. gül- 'смеяться'; аз. gün : туркм. gün 'день'; аз. günäš : туркм. güneš 'солнце'; аз. günü : туркм. günü 'новая жена'; аз. güž : туркм. güjč 'сила'.

В этих случаях турецкий регулярно имеет g-, ср. giј-'надевать', geniš 'широкий', gerček 'верный', git- 'уходить', geč 'поздний', geže 'ночь', gez 'наконечник стрелы', gez- 'гулять', geјir- 'рыгать', gelin 'невестка', gel- 'приходить', gemi 'корабль',

gerek 'нужно', ger- 'растягивать', getir 'приносить', gizle- 'прятать', gir- 'входить', göbek 'пуп', göz 'глаз', güzel 'красивый', gözle- 'ждать', gök 'небо', 'синий', gewiş 'жвачка', gön 'шкура', gönder- 'посылать', gör-'видеть', güwe 'моль', gül- 'смеяться', gün 'день', güneş 'солнце', güç 'сила'. Отклоняются только: kemir- 'грызть'(аз. gämir-, туркм. gemir-) и кене 'клещ' (аз. gänä, туркм. gāne).

Нерегулярных соответствий между азербайджанским и туркменским очень мало: аз. keçi : туркм. geçi (тур. keçi) 'коза'; аз. keç-: туркм. geç- 'переходить' (тур. geç-); аз. köks : туркм. göwüs (тур. göyüs) 'грудь'; аз. körür- 'сильно раздражаться' : туркм. güber- 'распухать', 'важничать'; аз. köç- 'кочевать' : туркм. göç- (тур. göç-); аз. küçük : туркм. güžük 'щенок'; аз. göl : туркм. köl 'озеро' (тур. göl); аз. gümüş : туркм. kümüş (тур. gümüş) 'серебро'.

Итак, схема соответствий анлаутных велярных в огузских языках имеет следующий вид:

п.-ог.	аз.	тур.	туркм.	
*k-	k-	k-	k-	(33 примера)
*g-	g-	g-	g-	(37 примеров)

Отклоняются (по-видимому, в результате старых междиалектных заимствований) всего 13 примеров.

В системе лабиальных противопоставление *p - *b по огузским данным реконструировать невозможно¹⁰.

Таким образом, можно считать, что в праогузском систематически различались начальные звонкие и глухие согласные. Представляется вполне правомерным перенести эту реконструкцию и в пратюркское состояние (так, кстати, поступает обычно в своем словаре и Дж.Клосон, см. EDT). Не различались только анлаутные p- и b-, нейтрализованные в одной фонеме *b¹¹. Отсутствуют также противопоставление глухого *ç и звонкого *ž.

Отсутствие фонемы *ž в пратюркском (исторически объясняющееся переходом *ç- > d и *ž > j, см. ниже) частично компенсировалось, видимо, возможностью факультативной артикуляции анлаутного *j- как *ž- или *ç-¹². Этой особенностью о.-тюрк. *j-. видимо, объясняются специфические рефлексы во

многих языках (ср. кирг. *ǰ*-, каз. *ǰ*-, тув., хак. *ǰ*-, як. *s*-, чув. *ś*-, в прочих языках *j*-).

Реконструкция глухих и звонких начальных согласных в пратюркском заставляет пересмотреть традиционную схему соответствий анлаутных смычных в алтайских языках. Этот пересмотр был начат В.М.Иллич-Свитычем [Иллич-Свитыч, 1963; Иллич-Свитыч, 1965] (ОСНЯ I, XIII- XIV).

В работе "Алтайские денальные: *t*, *d*, *ð*" [Иллич-Свитыч, 1963] В.М.Иллич-Свитыч предложил следующую схему соответствий для алтайских анлаутных денальных:

алт.	тюрк.	монг.	ТМ
*t'	*t	*t	*t
*t	*d	*d	*d
*d	*j	*d	*d

Мы в целом принимаем эту же схему соответствий, хотя распределение тюркских слов по начальным **t*- и **d*- у нас несколько отличается от предложенного В.М.Иллич-Свитычем (см. выше)¹³.

Следует еще несколько уточнить рефлексацию алтайских анлаутных денальных в корейском. Среднекорейский имеет два анлаутных денальных: *t*- и *th*-, и традиционно считается, что алт. **t*- > кор. *t*/*th*-. Однако начальный *th*- (как и прочие придыхательные) в корейском является сравнительно новым звуком. В среднекорейском он встречается либо в заимствованиях из китайского, либо же происходит из *t*- под влиянием срединного *-h*(ср. случаи типа ср.-кор. *thǎ-ta* 'гореть' < **tahǎ-ta* при *tahi-ta*'жечь', 'зажигать' и т.п.). В некоторых случаях *th*- возникает из **t*- в результате переноса придыхательности с последующего согласного, ср. ср.-кор. *thòp* 'ноготь', 'коготь' < **toph* (< алт. **t'üp* V, ср. ТМ **tüp-ken* 'гвоздь', монг.-письм. *tuγur* < **tupur* 'копыто' etc., см. ниже, с. 92)¹⁴. Таким образом, нормальным рефлексом всех трех алтайских анлаутных денальных смычных в корейском является *t* : ср. ср.-кор. *tjǎ* 'тот' при монг. **te*-, ТМ **ta*- (алт. **t'V*-), ср.-кор. *tǎrk* 'курица' при монг. **turaγ*-, тюрк. **torigaj* 'вид птицы', ТМ **turākī* id. (алт. **t'/o/rV-kV*); ср.-кор. *tōrh* 'камень' при тюрк. **dāl*', монг. **tīla*-, ТМ **ǰola* (алт. **tiōl'a*); ср.-кор. *túrámí* 'журавль' при тюрк. **duru-ńa* (алт. **turu*-); кор. *taim* < **tah-im* 'следующий' при тюрк. **jak*- 'приближаться', монг. **daga*- 'следовать за', ТМ **daga* 'близкий' (алт. **daga/*daka*-); ср.-кор. *thǎ-/tah*- 'гореть', 'жечь' при тюрк. **jak*- 'жечь',

ТМ *däg-/*žäg- 'жечь', 'гореть' (алт. *dakV, см. ниже).

В работе "Алтайские гуттуральные: *k', *k, *g" В.М.Иллич-Свитыч [Иллич-Свитыч, 1965] предложил следующую схему соответствий для алтайских анлаутных веларных:

алт.	тюрк.	монг.	ТМ
*k'-	*k'-	*k-	*x-
*k-	*k-	*k-	*k-
*g-	*k'-	*g-	*g-

Крупнейшей заслугой В.М.Иллич-Свитыча явилось надежное установление первого из этих трех рядов соответствий (ТМ *x-, восстановленный для пратунгусо-маньчжурского в трудах В.И.Цинциус [Цинциус, 1949] и И.Бенцинга [Benzing, 1955], полностью игнорировался и считался вторичным в алтайской реконструкции Г.Рамстедта и Н.Поппе; это приводило к большому количеству натяжек при поисках внешних параллелей для ТМ слов с начальным *x-).

Напомним, что в нашей реконструкции (опирающейся на огузские данные) п.-тюрк. *k- Иллич-Свитыча соответствует *g-, и п.-тюрк. *k'- Иллич-Свитыча - *k или *g (в зависимости от огузского рефлекса).

Обратим внимание, что среди приведенных у В.М.Иллич-Свитыча примеров на алт. *kh представлены только тюркские рефлексы *k- (но не *g-), ср. тюрк. *küil 'зола' (~ТМ *xul-di 'пламя', 'теплый', см. ТМС,2,260), тюрк. *kābrā 'лопатка' (~ТМ *xābti- 'ребро', см. ТМС,2,435); ср. еще тюрк. *kōñ/*küñ 'гореть', 'подгорать' (VEWT,309)~ТМ *xeñ-gV (ТМС,2,457a; сближение тюрк. ~ тунг., а также с монг.-письм. küñ-küni- 'иметь запах или вкус подгорелого' см. [Цинциус 1984, 110-111]); тюрк. *ki-/*ke- 'кто' ~ ТМ *ха-, *хай- 'кто', 'что' (см. ниже, с. 39-40); тюрк. *kürä- 'грести', *kürä-k 'лопата' ~ ТМ *хегü- 'мести', 'грести', *хегü-rup 'лопата' (ТМС,2,462) [Цинциус, 1984, 121-122] и др.¹⁵.

Специально следует разобрать вопрос о тюркском рефлексе общеалтайского *g-. Из шести примеров, приведенных В.М.Иллич-Свитычем, один (тув. хаж- 'сворачивать', 'обходить' < алт. *gažV-) нерелевантен ввиду заднего вокализма (пример этот вообще несколько сомнителен, см. VEWT,233). Один пример (тюрк. *göni 'прямой' при ТМ *ñuñ-ne), по-видимому, следует отвергнуть (см. выше, примеч. 6); с ТМ *ñuñ-ne 'прямой' следует сравнивать тюрк. *oñ 'правый',

'правильный', и, видимо, монг.-письм. *üne-n* 'правильный'. О соответствии ТМ **ŋ*-: тюрк., мо. 0- см. ниже.

В сопоставлении монг.-письм. *gere* 'свидетель' с тув. *хеге-ĉи* можно усомниться, поскольку тув. форма (вместе с рядом других современных тюркских), очевидно, заимствована из монгольского (см. VEWT 254-255). Однако для монг. *gere* имеется надежная общетюркская параллель, а именно **ger-tü* 'правильный', 'верный', **gerĉek* 'правильный' (см. VEWT 256,257). Здесь мы, таким образом, обнаруживаем соответствие монг. *g-* : тюрк. *g-*. Точно такое же соответствие обнаруживается и в других случаях: монг.-письм. *gede* 'назад, зад, затылок' : тюрк. **ged* 'зад, задняя часть' (VEWT 246) (ср. еще ТМ **gädi-muk* 'затылок', ТМС 177); монг.-письм. *gendü* 'самец' : тюрк. **gäntü* (VEWT 252; в тур. диалектах колебание: *kändü/gändi*) и др.

Два примера, в которых монгольскому (без ТМ параллелей) *g-* соответствует тюркский *k-*, по-видимому, ненадежны¹⁶. Таким образом, мы можем достоверно считать, что рефлексом алтайского **g-* перед передними гласными в тюркском является только **g-*.

Остановимся еще на вопросе об отражении алтайских велярных в корейском языке. Согласно традиционной схеме Г.Рамстедта как **k*, так и **g* отражаются в корейском в виде *k-* (как и в случае с дентальными, в ср.-кор. различаются глухой *k-* и глухой придыхательный *kh-*, но последний весьма редок и легко продемонстрировать его вторичный характер - в результате ассимиляции последующему придыхательному согласному или *h*). В.М.Иллич-Свитыч убедительно показал, что в ряде случаев восстанавливаемый им алт. **k'* дает кор. *h* [Иллич-Свитыч, 1965, с.340]. Анализ имеющихся примеров показывает, однако, что этот переход происходит в корейском только перед последующим передним гласным (*i, ə < *e*), ср. ср.-кор. *həjəŋ* 'плавание' : ТМ **xäjä* 'течь, плыть'; кор. *həpha* 'легкие' : ТМ **xärtä*; ср.-кор. *hjä* 'язык' : ТМ **xil-ŋV* и др.¹⁷. В прочих же случаях корейский имеет *k-*, как и в других рядах соответствий, ср. ср.кор. *kārkí* 'лошадиная грива' при монг.-письм. *kilgasun* 'толстый лошадиный волос', ТМ **xil'ŋa* (< **xil-ŋa*) 'волос'; ср.-кор. *kúi* 'ухо' при ТМ **xül-* 'слышаться, раздаваться', тюрк. **kul-kak* 'ухо' и т.д.

Таким образом, реинтерпретированная система соответствий анлаутных велярных в алтайских языках выглядит так:

алт.	тюрк.	монг.	ТМ	кор.
*k'	*k-	*k-	*k-	k- (h - перед передними гласными)
*k-	*g-	k-	*k-	k-
*g-	*g-	g-	g-	k-

Для анлаутных лабиальных В.М.Иллич-Свитыч (ОСНЯ 1, XIII-XIV) предложил следующую схему соответствий:

алт.	тюрк.	монг.	ТМ
*p'	(*h >) 0-	*F > h- (монг.-письм. 0-)	*p
*p	(*p >) b-	-"-	-"-
*b	b-	b-	b-

Новым по сравнению с традиционной схемой здесь является второй ряд соответствий (этимологии, подтверждающие его наличие, см. ОСНЯ 2,98, ОСНЯ 3,66-93). Мы в целом согласны с предложенной схемой, хотя реконструкция противопоставления *p - *b для пратюркского представляется пока не вполне обоснованной: второй ряд соответствий следует, видимо, представлять пока как "тюрк. *b- : монг. *F- > h- : ТМ *p-".

По поводу тюркского рефлекса алтайского *p' - необходимо сделать еще одно замечание. Выпадая в анлауте перед передними гласными, алтайский *p' - мог исчезать бесследно (ср. тюрк. *im 'метка, знак' при монг.-письм. im, ТМ *rim, см. VEWT 171), но мог и оставлять след в виде *j-. Ср. тюрк. *in-čik/*jın-čik 'кость, голень'(VEWT 172,203) при ТМ *reń-řen 'колени' (ТМС 2,366), ср.-кор. s-pjé (< *pVńé) 'кость'; тюрк. *jer 'земля' (VEWT 198) при ТМ *pere 'дно, пол' (ТМС 2,370-371), ср.-монг. hiγuʔar, монг.-письм. iγu-γar 'пол, почва', тюрк. *jir- 'север, левая сторона' (VEWT 201) при ср.-монг. hörö-ne 'запад', ТМ *per-ki-n 'запад' (ТМС 2,48) и др. Аналогичное развитие, очевидно, происходило в тюркском и перед исконными

восходящими дифтонгами, ср. тюрк. *jal-/ʃal'-'светить, сверкать, блеск, молния' (VEWT 181, 192) при ТМ *rial- 'сверкать (о молнии), молния, радуга' (ТМС 2,320,72); тюрк. *jul-duŕ 'звезда' при ср.-кор. p̄jər(h) 'звезда', ср.монг. ho-dun (<*hol-dun) id.(см. ниже, с.34-35,86); тюрк. *jag-'дождь, идти (о дожде)' при ТМ *riġi-n 'буря, вихрь, дождевая вода', ср.-кор. rí (<*riġi) 'дождь' (см. ниже, с. 33); тюрк. *jār 'крутой берег, обрыв' (VEWT 188) при ТМ *riġi-, *riġki 'крутой склон' (ТМС 2,327); тюрк. *jalaŋ 'равнина, поле' при ТМ *pile-kē/*pile-ŋē 'проталина', *pile-kēn 'открытое место (среди гор)' (ТМС 2,324) и др.

Аналогичное развитие (*p' -> j-) могло происходить и в монгольском. Так, монг.-письм. jatu-yaŋ, ср.-монг. jatu-qaŋ 'вид струнного инструмента', несомненно, восходит к *hiatu-gaŋ < *p'iatu-gaŋ, как это видно по старому маньчжурскому заимствованию fituħaŋ 'бандура' (см. [Poppe 1960, 12], ТМС 2,300). Другим случаем подобного развития является, по-видимому, монг.-письм. ja-sun, ср.-монг. ja-sun 'кость' (< jaŋ-sun, ср. калм. jaŋ-dā 'быть костистым', jaŋ-dA-yAr 'костистый', KW 214) при тюрк. *(j)in-čik 'кость, голень', ТМ *reŋ-ŋe-n 'колени', ср.-кор. s-pjə 'кость' (см. выше).

Корейский язык нормально во всех рядах соответствий имеет *p- (для второго ряда ср., например, ср.-кор. paŋ 'нога' при ТМ *paŋga-n 'нога, ступня', тюрк. *bal'-mak, *bal'-ak 'вид обуви'= кор. palmak, см. с. 41). Анлаутный ph-, имеющийся в среднекорейском, как и th-, kh-, по-видимому, вторичен (результат переноса аспирации из середины слова в анлаут).

(2) Итак, в анлаутной позиции для праалтайского восстанавливается троичное противопоставление глухих слабых, глухих сильных и звонких смычных, но только в веларном, дентальном и лабиальном рядах.

Нам представляется, что реконструкцию такой же триады можно осуществить и в системе аффрикат. Традиционно в алтайском восстанавливается только две аффрикаты: *č и *č̣ (соответствия см. выше, с. 5). Однако мимо внимания исследователей прошел целый ряд слов с нетривиальным соответствием: тюрк. *d-: монг. *d- : ТМ *č̣- : кор. *č̣-. Ср. следующие примеры:

1) тюрк. *dūf(~*dubur 'соль') : монг.-письм. dabusun, ср.-монг. dabu-sun (< *dabur-sun) 'соль'~ ТМ *č̣ujaŋ-'кислый, горький', кор. čel-da (< čjər-) 'быть соленым', čeri-da (<*čjəri-) 'солить'. См. ниже, с. 47).

2) тюрк. *dōl- 'наполняться', *dōl-i 'полный'~ ТМ *č̣alu- 'наполнять(ся)', *č̣alu-m 'полный'~ ср.-кор. čāgā 'достаточный' (ср. еще др.-яп. tar- 'быть достаточным,

полным, хватать'). См. ниже, с. 43-44).

3) тюрк. *dāt- 'пробовать на вкус, иметь (приятный) вкус', *dāt-an-/*dāt-in- 'привыкать, приучаться' (см. ЭСТЯ 3, 162-164, VEWT 466) ~ монг.-письм. dadu- 'привыкать' ~ ТМ *žūtī (~ *žet-ī-) 'сладкий' (ТМС 1,279) (см. примеч.13).

4) тюрк. *däg-il'- 'меняться, обмениваться' (см. EDT 487, ЭСТЯ 3, 181-182) ~ монг.-письм. daγa-si-la-, калм. dāšl- 'давать, дарить' (KW 82) ~ ТМ *žugē- 'обмениваться' (ТМС I,270) ~ ср.-кор. čū- 'дарить, жаловать' (ХМ 332)¹⁸.

5) тюрк. *dūr- 'прямой, ровный' (см. ЭСТЯ,309-313) ~ ср.-кор. čir-tá 'напрямик, идти напрямик'¹⁹.

6) тюрк. *dir-ηa- 'царапать, скрести' (см. ЭСТЯ,345-349) ~ монг.-письм. žiru- (< diru) 'царапать, рисовать, писать' (KW 481) ~ ТМ *žurū- 'чертить', *žura-n 'черта, полоска (на коре)' (ТМС 1,278) ~ ср.-кор. čūr 'напильник'²⁰.

7) тюрк. *dir- ~ *dūr- 'нанизывать, выстраивать в ряд' (см. ЭСТЯ 3,218-220) ~ монг.-письм. dūrū- 'втыкать, засовывать' (KW 105-106) ~ кор. čul 'веревка; строчка, линейка; ряд', ср.кор. čūr-hjə-tá 'нанизывать на веревку, выстраивать в ряд' (КС 434)²¹.

8) тюрк. *dāl-, *dāl-ak 'ива, верба; ветвь, лоза' (см. ЭСТЯ 3, 130-131) : монг.-письм. dolaγana ~ doluγana 'боярышник' [Lessing 1960,260], (KW 94) : ТМ *žali-кта 'боярышник, ива' (эвенк. žalikta, нег. žālta, уд. žalikta 'боярышник', ульч. žatala, нан. žalaqta 'ива', см. ТМС I, 246,253) : кор. čol-gari 'ветка без листьев', čul-gəgi, čul-gi 'стебель' (ср.-кор. čūrki, см. ХМ 297)²².

9) тюрк. *dāl, *dāl-ak 'селезенка' (см. ЭСТЯ 3, 137-138) ~ монг.-письм. deli-gün id. (KW 86) ~ кор. čira, čirä id.²³

10) тюрк. *dägiη 'белка, соболь'(см. ЭСТЯ 3, 180-181)~ ТМ *žukü-n 'выдра, бобр' (ТМС 1,271) ~ ср.-кор. čúi (< *čugi) 'крыса, мышь' (ХМ 188)²⁴.

Таким образом, общая схема соответствий для алтайских анлаутных аффрикат приобретает следующий вид²⁵:

алт.	тюрк.	монг.	ТМ	кор.
*č'-	č-	č-	č-	č- ²⁶
*č-	d-	d-	ž-	č-
*ž-	j-	ž-	ž-	č-

--	--	--	--	--

(3) В инлаутной позиции в традиционной алтаистике [Ramstedt 1957; Poppe 1960] восстанавливается бинарное противопоставление глухих/звонких смычных. Эту же реконструкцию принял и В.М.Иллич-Свитыч (ОСНЯ 1, 168-169). Однако ввиду наличия в анлауте троичного противопоставления (*C' - *C - *Z) реконструкция только двух серий (глухой-звонкий) согласных в инлауте кажется не вполне адекватной.

Нам представляется, что реконструкцию троичного противопоставления смычных в праалтайском можно распространить и на инлаутную позицию.

Для объяснения некоторых неясностей в рефлексации инлаутных лабиальных и велярных согласных Н.Поппе выдвинул теорию "сильной" и "слабой" позиций [Poppe 1960,40-41 и сл.]. Согласно этой теории согласные *b, *p и *g в монгольском давали разные рефлексы в послеударной ("сильной") и предупдарной ("слабой") позициях. Однако фактических доказательств какоголибо влияния супрасегментных признаков на развитие согласных в инлауте не существует; наоборот, разноместное ударение Поппе восстанавливает лишь в зависимости от поведения согласных. Таким образом, удается свести в один ряд реально совершенно разнородные ряды соответствий.

Если отвлечься от слабо мотивированной теории "сильных" и "слабых" позиций, то для инлаутных лабиальных мы получаем следующие ряды соответствий:

тюрк. монг.	ТМ	кор.
*-p- *-ɣ- (~ -b-) ²⁷	-p-	-p(h)-
*-b- *-ɣ- (~ *-w-)	-b-	-b- (>-p, -w- ~ -0-)
*-b- *-b-	-w- ²⁸	p

Ср. для первого ряда тюрк. *kārik 'кора', монг.письм. qaγu-l- 'обдирать кожу', qau-da-sun 'кора', ср.-кор. kārhiŋ ~ kərhiŋ 'кора, кожура' (см. ниже, с. 37); др.-тюрк. qor 'весь, все'; монг.-письм. qou id., ТМ *куру- id. (см. ниже с. 26) и др.;

для второго ряда: монг.-письм. *yaγura-sun* 'солома, мякина' ~ тюрк. **kabu-k*, **kabu-í* id.; монг.-письм. *kegere* 'степь' ~ ТМ **kebe-r*, **kebe-kte* 'равнина' (ТМС 1,443), монг.-письм. *yuа* 'красивый' (KW 152) ~ ср.-кор. *kōp-tá* (*kōva-*) id., etc.; для третьего ряда: монг.-письм. *kebi-* 'жевать' ~ тюрк. **gäbid.*; монг.-письм. *daba-* 'переваливать (через гору)' ~ ТМ **dawa-* id. (см. ТМС 1, 185-186; в ряде языков представлены заимствования из монг. или маньч., но в целом корень, несомненно, исконно тунгусо-маньчжурский); ТМ **ʒuw* 'жилище, дом' (ТМС 1,266-267) ~ ср.-кор. *čip* 'дом' и др.

По-видимому, нужно в первом ряду восстанавливать алт. **-p'*-, во втором - алт. **-p-*-, а в третьем - алт. **-b-*.

Более или менее аналогичным образом устанавливаются соответствия для инлаутных веллярных, хотя здесь в тюркском и монгольском нередки случаи колебания глухих и звонких рефлексов (ср. случаи дублетов типа др.-тюрк. *jaqin* 'близкий' и *jaγ-uq* id.), причина которого пока еще неясна. Соответствия между тюркским, монгольским, тунгусо-маньчжурским и корейским устанавливаются следующие:

алт.	тюрк.	монг.	ТМ	кор.
*-k'	-k-(/-g-)	-k-(/-g-)	-k-	-k-
*-k-	-g-(/-k-)	*-g-	-g-	-0-(-h-)
*-g-	-g-	*-γ-	-g-	-0-(-h-)

Различие между вторым и третьим рядами основано главным образом на монгольском рефлексе (следует помнить, что о.монг. **g* перед задними гласными в среднемонгольском графически не отличается от **k*, поэтому в среднемонгольском в рефлексах слов второго ряда мы имеем -*g-* перед передними, но -*q-* перед задними гласными; в третьем ряду соответствий среднемонгольский единообразно имеет -*ʔ-*).

Ср. для первого ряда - тюрк. **göküü*/**gögüü* 'грудь' ~ письм.-монг. **kökün* 'женская грудь' ~ ТМ **kuku-n*/**uku-n* id. ~ ср.-кор. *kokäi-jaŋ* 'сердцевина' и др.; для

второго ряда тюрк. *jak-/jag- 'близкий, приближаться' ~ письм.-монг. daḡa-, ср.-монг. daḡa 'следовать' ~ ТМ *daga- 'близкий' ~ кор. taim 'следующий' и др.; для третьего ряда - монг.-письм. ögede 'вверх', ср.-монг. ö?e-de id. ~ ТМ *ug-ī 'верх' (ТМС 2,245-246) ~ ср.-кор. ù (ùh-) 'верх'; монг.-письм. saḡa-, ср.-монг. saḡa- 'доить' ~ тюрк. *sag- id. и др.

В системе денгальных смычных, помимо описанных у Н.Поппе [Poppe 1960, 49-53] соответствий "тюрк. *-t- : монг. -t-: ТМ -t-" и "тюрк. *-d-: монг. -d-: ТМ -d-", засвидетельствовано еще нестандартное соответствие "тюрк. -t-: монг. -d-: ТМ -t-". Ср. тюрк. *dāt- : монг. dadu- : ТМ *ǰūti (см. с. 13 выше); монг.-письм. ada-ḡun 'стадо лошадей, лошадь' ; тюрк. *at 'лошадь'²⁹; тюрк. *āt 'шагать' : монг.-письм. ada-ḡa-'спешить', ada-m 'быстрый шаг' (см. VEWT 31, KW 1); тюрк. *gēt'идти, уходить' (VEWT 258): ср.-монг. gödöl- 'двигаться' (ХМ 57), монг.-письм. ködel-, ködül- id. (KW 235); тюрк. *tut'хватать, держать' (VEWT 502): ср.-монг. tödü-ge-, tödü?e'задерживать'(ХИ 102)³⁰; монг.-письм. nidü- 'толочь, измельчать', nidü-gür 'пест' : ТМ *nuti-ku 'пест' (ТМС 613)³¹ и др. Можно думать, что соответствие "тюрк. *-t- : монг. *-t-: ТМ *-t-" отражает общеалтайский *-t', соответствие "тюрк.*-t-: монг. *-d- : ТМ *-t-" отражает общеалтайский *-t-, а соответствие "тюрк. *-d- : монг. *-d- : ТМ *-d-" - общеалтайский *-d-.

Корейский отражает алт. *-t' как -t(h)-, ср., например, тюрк. *atır 'орошаемое поле': монг. atar 'необработанное поле': ср.-кор. pàt ~ pàth 'поле' (SKE 192-193, [Poppe 1960,51], VEWT 31) и др. Во втором ряду (алт. *-t-) корейский имеет -t- или -r-³², ср. при тюрк.*gēt-, монг.-письм. ködel- ср.-кор. kāt-ta (kāri-) 'ходить (пешком)', см. ниже, с. 98), при тюрк. *büt 'верить' (VEWT 93), монг.-письм. mede'знать' (KW 259), ТМ *mute- 'мочь, уметь' (ТМС 561) ср.кор. mit-tá (miti-) 'верить'³³ и др. Наконец, на месте алт. *-d- корейский имеет -r- (ауслатный рефлекс не засвидетельствован; ожидалось бы также -t), ср. при монг. alda 'сажень', ТМ *alda-n 'промежуток, между' (ТМС 1,30-31; заметим, что эвенк. alda 'сажень' может быть < монг., но для прочих форм это маловероятно), ср.-кор. àḡam 'обхват, сажень'³⁴; при тюрк. *bedü'увеличиваться', *bedü-k 'большой, крупный' (ЭСТЯ 2,288-289, VEWT 67), монг.-письм. бүдү-ḡün 'толстый' ср.-кор. pḡrḡta 'толстый, сытый'³⁵ и др.

Итак, инлаутные денгальные в алтайских языках образуют следующую систему соответствий:

алт.	тюрк.	монг.	ТМ	кор.
*-tʼ-	-t-	-t-	-t-	-t(h)-
*-t-	-t-	-d-	-t-	*-d- > -t-, -r-
*-d-	-d-	-d-	-d-	*-d- > -r-

Традиционно в алтайских языках восстанавливают только две инлаутных аффрикаты: *-č- и *-ž- (соответствия см. выше, с. 5). Однако имеется и третье соответствие: "тюрк., монг., кор. -č- : ТМ *-s-", которое обычно не учитывается. Ср. ТМ *kusū-n 'сила', kusū- 'прилагать силу, бороться' (см. ТМС 1,438-439) при монг.-письм. kücü-n 'сила, труд', тюрк. *gūč 'сила' (VEWT 306), ср.-кор. kóčák-hätä 'крайний, чрезвычайный, очень сильный' (КС 48); ТМ *xosī- 'царапать, чесать', *xosī-kta 'ноготь, коготь' (ТМС 2,26-27) при тюрк. *kič- 'чесаться' (VEWT 260) (сюда же, возможно, следует относить кор. koč, др.-яп. kusi 'вертел'); ТМ *xasa 'гнаться, преследовать' при тюрк. *kač- 'убегать' и др. Общая схема соответствий для алтайских инлаутных аффрикат, следовательно, выглядит так:

алт.	тюрк.	монг.	ТМ	кор.
*-čʼ-	-č-	-č-	-č-	-č(h)-
*-č-	-č-	-č-	-s-	-č-
*-ž-	-j-	-ž-	-ž-	-č-

(4) Из других вопросов, затрагивающих систему шумных согласных, следует коснуться проблемы реконструкции алтайского *š-. В.М.Иллич-Свитыч (ОСНЯ, 1,ХІУ-ХУ) восстанавливал общеалтайский анлаутный *s₁ (= ś) на месте традиционного *s- в тех случаях, когда чувашский и маньчжурский языки обнаруживают рефлекс -š-. Однако представляется, что данное развитие в чувашском и маньчжурском обусловлено скорее позицией *s- перед последующим дифтонгом с *-i- (аналогичная палатализация характерна и для системы взрывных дентальных), см. [Мудрак 1985].

Недавно О.А.Мудрак (в устной беседе) обратил наше внимание на существование особого анлаутного соответствия "ТМ *č- : монг. s-". Отметим, что в известных нам случаях этого соответствия (ТМ *čikē-n 'моча' : монг.-письм. sige-sun, ТМС 2,392-393; ТМ *čime- 'просачиваться' : монг.-письм. sime 'сок, питательность', ТМС 2,394; ТМ *čiri-kte 'красная медь' : монг.-письм. sirin 'бронза, медь', ТМС 2,399;

ТМ *šawa-/šoro 'коготь, хватать когтями' : монг.-письм. sabar 'коготь, лапа', ТМС 402,375; ТМ *šoko- 'прищуривать глаза', *šokto- 'кривой, слепой' : монг.-письм. soqur 'слепой', ТМС 2, 404; ТМ *šükse 'сок' : монг.-письм. sigüsü(n) 'сок, влага', ТМС 2,411) маньчжурский обнаруживает не закономерный č-, но s-(š-), ср. маньч. sike 'моча', sime- 'пропитываться', siri-n 'медь', sefere 'горсть' и šofofo 'щепоть, когти (ловчей птицы)', šusu 'бесплатной обед, жертвенная снедь'. Соответствие маньчжурского s-/š- аффрикаты č- других тунгусо-маньчжурских языков встречается и в других случаях (при отсутствии монгольских параллелей), поэтому не исключено, что в этих случаях мы должны восстанавливать особую прото-тунгусо-маньчжурскую фонему, скорее всего *š- (с переходом *š- > s-/š- в маньчжурском, но š- > č- в прочих языках). В таком случае можно думать и о реконструкции *š (на месте соответствия ТМ *š- : монг. s-) для праалтайского. К сожалению, пока нам неизвестны рефлексy этого *š в других алтайских языках и реконструкция эта остается пока гипотетичной.

Реконструкция инлаутного *š- для праалтайского еще более проблематична. Восстановление *š- на месте тюркского -š- справедливо подвергнуто критике в ОСНЯ 1,XY-XYI (тюркский -š- в тех случаях, когда он не восходит к *-l-, т.е. когда в чувашском представлен рефлекс -ś- - обычно возводится к сочетанию *-lč-³⁶. С другой стороны, нам известны два случая инлаутного соответствия "ТМ *-č-(или *š-, поскольку в маньчжурском налицо -s-/š-) : монг. -s-", а именно: ТМ *geči/*goči 'горький' (маньч. Gosi-xon ~ goš-xun) при монг.-письм. yasiyu(n) id. (см. ТМС 1, 182-183) и ТМ *koči-hta 'орех' (маньчж. отсутствует, но ср. чжурчж. hūh-šū) при монг.-письм. qusi 'кедр', qusi samar 'кедровый орех' (см. ТМС 1,419). Однако по крайней мере во втором случае не исключено старое заимствование в ТМ из монгольского, поскольку исконным соответствием монгольского слова, вероятно, является ТМ *xusi-hta/*xusa-hta 'дуб, желудь' (см. ТМС 2,291)³⁷.

В целом приходится констатировать, что оснований для реконструкции второго алтайского спиранта - *š- пока недостаточно.

(5) Традиционно предлагаемые соответствия для сонорных согласных в целом выполняются довольно хорошо на всем имеющемся материале. Здесь следует сделать только следующие уточнения.

а) Хотя в тунгусо-маньчжурском имеется достаточно много слов с анлаутным *ŋ-, эта фонема в анлаутной позиции для праалтайского традиционно не восстанавливается. Точка зрения Н.Поппе (о вторичном развитии *g- > ŋ- в

тунгусо-маньчжурском) в настоящее время, по-видимому, уже не может считаться приемлемой (см. примеч. 6). Приведем известные нам параллели для тунгусо-маньчжурских слов, содержащих начальный *η-:

1. ТМ *ηāla 'рука' (ТМС 1,656-657): тюрк. *äl, *äl-ig 'рука' (см. ниже, с. 45).
2. ТМ *ηū (< *ηia-w) 'кто' (ТМС 1, 660-661) : тюрк. *nä (< *(j)än) 'что' : монг.-письм. ja-yun, ср.-монг. jaʒu, jaʒun 'что' : ср.-кор. nū, nú 'кто' (см. ниже, с. 52-53).
3. ТМ *ηinda- 'собака' (ТМС 1,661-662) : тюрк. *it/*it 'собака' (см. ниже, с. 46-47).
4. *ηün(k)te 'корень' (ТМС 1,662) : монг.-письм. ündüsün 'корень' (см. ниже, с. 37).
5. ТМ *ηu/j/a- 'спать' (ТМС 1,666) : тюрк. *u- 'сон, спать' (см. ниже, с.47-48): ср.-монг. по-gus-, монг.-письм. pojir-sa 'спать', по-jir 'сон'.
6. ТМ *ηüci- 'маленький' (ТМС 1, 589-590) : монг.письм. ücü-ken, ücü-gen, ср.-монг. ücü-gen 'маленький' (см. ниже, с. 41).
7. ТМ *η(ü)kē 'соболь; кобель' (ТМС 1,651,665)³⁸ : ср.-кор. nəkori 'барсук' (см. SKE 163) (возможно, также тюрк. *äkär 'охотничья собака', см. VEWT 38).
8. ТМ *ηōni- 'длинный' (ТМС 1,664-665) : тюрк. *ōn-'расти, возвышаться'(VEWT 372) : монг.-письм. öñ-de-ji-'возвышаться, быть высоким', öñ-dür 'высокий', ср.-монг. ün-tür 'высокий'³⁹.
9. ТМ *ηuη-ne 'прямой' (ТМС 1,666) : тюрк. *oη 'правый, правильный' (VEWT 362) : монг.-письм., ср.-монг. üne-n 'правильный'⁴⁰.
10. ТМ *ηēle 'страх, бояться'(ТМС 1,667-669) : монг.письм. gel-me-'испугаться,пугаться': (?) тур. jil-, ст.-тур. jal-(VEWT 200) 'бояться' (ТМ ~ монг. см. [Porre 1960,25, 106]).
11. эвен. ηemte-k-, ηemte-l- 'пробивать, проламывать', ηemte-r 'пробиться, проломиться' (ТМС 1,669) : монг.письм. gemtū 'получить повреждение', gemtū-ge-'повредить': тюрк. *jām-ig"ломать, разрушать" (VEWT 197) (сближение см. ТМС 1, 669).
12. ТМ *ηene- 'нападать, дразнить' (ТМС 1,671) :тюрк. *jān- 'угрожать' (VEWT 184; тюрк. > монг. ʒaπu- 'угрожать').
13. ТМ *ηēr(i)- 'свет, светить' (ТМС 1,671-672) : монг.-письм. gere-l 'луч, свет' : тюрк. *jar'светить, блеснуть' (VEWT 189; тюрк. > монг. jaга- 'мерцать, светить'). См. [Porre 1960,25, 106, 125] (ТМ ~ монг.).
14. ТМ *ηiakso, *ηiaksi-n 'нос' (ТМС 1,587,636) : ср.-кор. nǎč, nǎs 'лицо'⁴¹ :

монг.-письм. *nauŋar-qai* 'спинка носа'.

15. ТМ **ŋen*- 'идти, двигаться' (ТМС 1,669-671) : ср.-кор. *ní-, njə*(ср. SKE 165); ср. еще ср.-кор. *nàŋ-, nàŋá* 'двигаться вперед'.

По этим примерам устанавливается следующий ряд соответствий:

алт.	тюрк.	монг.	ТМ	кор.
* <i>ŋ-</i>	0- ~ * <i>j-</i> (ср. выше об аналогичном развитии * <i>h-</i> > 0- ~ * <i>j-</i>))	0~ <i>j-</i> (g- перед e, n- перед a, o)	* <i>ŋ-</i>	n-

b) Точно так же в традиционной алтаистике не восстанавливается анлаутный **l-*, несмотря на то, что он хорошо представлен в тунгусо-маньчжурских языках. Реконструкцию **l-* в анлаутной позиции предложил В.М.Иллич-Свитыч (ОСНЯ 1, XVI-XVII) по соответствию "ТМ **l-* : монг. **l-* > n- (со sporadическим сохранением *l-* в некоторых южномонгольских языках) : тюрк. **j-*". Добавим, что корейский (в котором начальный *l-* отсутствует) имеет здесь рефлекс n-. Ср. при тюрк. **jarur-gak*, ср.монг. *nab-čín*, бао. *labčín* 'лист' ср.-кор. *níph id.*, при ТМ **lūŋe* 'снег' - ср.-кор. *nūn id.*, при ТМ **lüm-ŋe* (/ **lüm-ge*) 'глотать' - кор. *nəm-gu id.* и др.

с) Сонорный **w-* в реконструкции Г.Рамстедта и Н.Поппе отсутствует. Однако, как кажется, есть основания восстанавливать **w-*, по крайней мере, в инлаутной позиции. Реконструкция общеалтайского **w-* мотивируется наличием ряда случаев, в которых наблюдается соответствие: "тюрк. -0- (с компенсаторной долготой гласного) : монг. -b-/-0- ~ -y- : ТМ **w-* ~ **j-* (о реконструкции **w-* в ТМ см. примеч.28) : ср.-кор. -0- (с компенсаторной долготой гласного, т.е. тоном 3)". Ср. следующие примеры:

1. тюрк. **dūr* 'соль' : ср.-монг. *dabu-sun*, монг.письм. *dabu-sun* (<**dabur-sun*) id. ~ ТМ **žujar*- 'кислый, горький' ~ кор. *čēl-* (< *čjəŋ-*) 'быть соленым' (см. с. 47).

2. тюрк. *tōr* 'пыль' (VEWT 492) : ср.-монг. *toʔo-sun*, монг.-письм. *toʔo-sun* (< **toʔor-sun*) id.: ТМ **tūr(e)* < **towure* 'земля' (ТМС 2,217-218) : ср.-кор. *tārəp-ta* 'быть грязным', *tār-m-ta* 'пачкаться' (см. ниже, с. 86-87).

3. тюрк. **kōl* 'долина, русло' (VEWT 277) ~ монг.письм. *γoul* 'долина, река' : маньчж. *Golo* 'русло, долина' (возможно < **gowVlo*, однако не исключено и заимствование из монг.; см. ТМС 1, 160) : ср.-кор. *kōr* 'долина' (см. SKE 121, ОСНЯ 1,231-232).

4. тюрк. *kūr(i)- 'сухой, сохнуть' (VEWT 302) : письм.-монг. qaur-ai, qaγur-ai 'сухой', ср.-монг. qoʔa-sun (< *qoʔar-sun) id. (см. ниже, с. 48).

5. ТМ *ǰuwe, *ǰuwe-r 'два'(ТМС 1,276-277) : ср.-кор. tūr 'два' (в сложениях tū-); возможно, также тюрк. *dū-l 'равный, спутник, противоположная сторона' (< 'пара') (VEWT 501, ЭСТЯ 3,303-306) (см. ниже, с. 31-32).

Во всех этих случаях невозможна реконструкция праалтайского -b- (который дал бы тюрк. *-b-, кор. -p-, см. выше, с. 14).

d) Интервокальный -j- хорошо представлен во всех алтайских языках, и в этой позиции надежно реконструируется для праалтайского (см.[Рорре 1960,66-67]). Однако с реконструкцией анлаутного *j- дело обстоит гораздо менее благополучно. В тюркском анлаутный *j- в большинстве случаев восходит к различным другим алтайским согласным (*n-, *ń-, *l-, *d-, *ǰ-, в определенных случаях также к *pʼ-, *ŋ-, см. выше). В монгольском j-, как было показано выше, также может восходить (в определенных условиях) к *pʼ- и *ŋ-. Для пратунгусо-маньчжурского начальный *j- (как и *w-) вообще, по-видимому, не реконструируется (см. [Цинциус 1949,213; Benzing 1955,997]). Наконец, в корейском j- (в тех случаях, когда он не восходит к ср.-кор. nj-), встречается в подавляющем большинстве случаев только перед гласными э и а. Комбинации jə-, ja- исторически следует, по-видимому, рассматривать как дифтонги -iə-, -ia- после нулевого анлаута (именно так, кстати, они и обозначаются графически). Таким образом, для соответствия тюрк. *imga 'горный козел' (VEWT 165), монг.-письм. imagan, ср.-монг. imaʔan 'коза', ТМ *imaga-n 'коза' (ТМС 1,312)⁴², ср.-кор. jəm-sjó 'коза' (собственно, 'коза-бык') (см. [Рорре 1960,32]) следует восстанавливать праалтайскую форму типа *iVm(a)ga с анлаутным дифтонгом.

Прочие примеры на анлаутный *j-, приведенные в [Рорре 1960,32], еще более сомнительны. Так, монг. ja-γun 'что' восходит к алтайской форме с начальным *ŋ-, а связываемые с ним маньчж. ja, эвенк. ê- и пр. - к алтайской форме с начальным *kʼ- (см. с.39). Монг. jada- 'не мочь, жить в бедности', jadaγu 'бедный' вряд ли стоит связывать с тюрк. *jadag 'пеший, пешеход' (а современные тюркские формы типа туркм. jāda- 'утомляться', тел. jada- 'слабеть' и под. (см. VEWT 177), очевидно, нужно считать монголизмами). Др.-уйг. jarraq 'часто, много', jarqaγin 'поспешный', с которыми Н.Поппе сравнивает монг. jaγara-'спешить' - видимо, результат недоразумения (в ДТС,VEWT и EDT эти формы отсутствуют). Маньчж. jabu- (у Н.Поппе jafa-), сол. jabu- 'идти, ехать' и др. (см. ТМС 1,337) - несомненно,

заимствованы из монгольского *jabu-*. Монг.-письм. *igua* 'плохой признак, дурное предзнаменование' следует связывать не с тюрк. **jög-* 'объяснять, толковать' (VEWT 208), но с тюрк. **igim* 'предсказание, предзнаменование' (VEWT 166), **ir-k* 'предсказание, участь, судьба', ТМ **riḡu-* 'заклинать, молиться', ср.кор. *riḡ-* 'просить, молиться' (подробный разбор этого корня, к которому относится также монг.-письм. *igüe-*, ср.-монг. *hiḡü?e-* 'благословлять, молиться', см. ОСНЯ 3, 119-124). Наконец, эвенк. *jegin* и прочие ТМ формы со значением "девять" восходят к ПТМ **heḡün* (с надежной параллелью в японском *kokono* 'девять', см. ниже), а потому вряд ли могут быть связаны с монг. *je-sün* 'девять'.

Мы можем, следовательно, сформулировать важный вывод: неносовые сонорные **j* и **w* в праалтайском существовали, но не могли встречаться в анлауте (точно так же, как и плавный **ɣ*, но в отличие от носовых **n*, **ń*, **m*, **ŋ* и плавного **l*, которые могли встречаться в любой позиции).

е) В ряде случаев в различных алтайских языках наблюдается выпадение инлаутных сонорных согласных. Наиболее консервативны в этом отношении тюркские языки, как правило, сохраняющие сонорные в интервокальной и ауслатной позиции⁴³.

Монгольский язык сохраняет интервокальные сонанты, но регулярно утрачивает все сонорные перед суффиксами *-su(n)*, *-du(n)* (и, возможно, некоторыми другими), см. [Рамstedт 1957, 199].

В тунгусо-маньчжурском инлаутные сонанты, как правило, сохраняются хорошо, за исключением одного важного типа случаев, а именно, утраты сонанта **-r-* после исконных долгих гласных перед последующими краткими узкими гласными. Дело в том, что уже в пратунгусо-маньчжурском отсутствовала корневая структура **CVCV*_{узк.} (т.е. не допускались слова типа **mōti*, **mōtu*, **mōtü*), при наличии любых других структур (т.е. **CVCV*_{узк.,шир.}, **CVCV*_{шир.}, **CVCV*_{узк.,шир.}). Очевидно, уже в пратунгусо-маньчжурском **CVCV*_{узк.} > **CVC*. В результирующей односложной структуре конечный согласный обычно сохранялся (ср. **sōl-* 'смешивать', **sūn* 'одежда' и многие другие), однако структура **CVr* упрощалась в **CV*⁴⁴. Ср. ТМ **ī-* 'входить' (ТМС 1,293) при монг.-письм. *ire-* 'приходить', ТМ **mō* 'дерево' (ТМС 1,540) при монг.-письм. *mo-dun* (< **mor-dun*) id., ср.кор. *mōgō* 'лес' (см. ниже, с. 32); ТМ **mū* 'вода' (ТМС 1,548) при монг.-письм. *mōge-n* 'река', ср.-кор. *mīḡ* 'вода' (см. ниже, с. 27) и др.

ф) В корейском наблюдается частое выпадение инлаутных сонантов (**-r-*, **-l-*,

*-n-, *-ń-) перед последующим гласным i или дифтонгами на -j-. При этом если в первом слове налицо передний нелабиализованный гласный, то происходит стяжение *CVRjV > *CVjV > CjV (ср. ср.-кор. s-pjé 'кость' < *p'ejV, hjé 'язык' < *k'äljV, но kúi 'ухо' < *k'üljV, hái 'белый' < *sjarjV и т.п.). Точные условия выпадения инлаутных сонантов в корейском можно будет, по-видимому, сформулировать в процессе реконструкции праалтайского ауслатного вокализма.

Приведем теперь сводную таблицу соответствий в области консонантизма между алтайскими языками, с учетом всех сделанных выше замечаний.

алт.	тюрк.	монг.	ТМ	кор.
*p'	0-(~j-), -p-	h-(~j-), -ɣ- ~ -b-p		p-,p(h)
p	b	h-, -ɣ-(-w-)	p-, -b-	p-, -w-
*b	b	b(~ -ɣ-)	b-, -w-	p
*m	b-, m	m	m	m
*-w-	-0-, -b	-ɣ- ~ -b-	-w- ~ -j-	-0-
*t'	t	t, č(i)	t(či-)	t-, t(h)
*t	d-, t	d, č(i)	d>(*ži-), t	t-, r-
*d	j-, d	d, ž(i)	d(*ži-)	t-, r-
*n	j-, n	n	n	n
*-r1-	-r-	-r-	-r-	-r-(=l-)
*-r2-	-r2-(=r'-)	-r-	-r-	-r-(=l-)
*l1	j-, l	l-/n-, l	l	n-, r-(=l-)
*-l2	-l2-(=l'-)	-l-	-l-	-r-(=l-)

*k ^ʼ	k-,k-(-g-)	k-,k-(-g-)	x-,k	k(/h-)
*k	g-,g-(-k-)	k-,g-	k-,g	k-,0-(-h-)
*g	g	g-,γ-	g	k-,0-(-h-)
*ŋ	0-(~j-),-ŋ-	0- ~ j- ~ g-, -ŋg-//-γ-(-n-)	ŋ	n-, ŋ ~ 0
*č ^ʼ	č	č	č	č-, č(h)
*č	d-,č	d-,č	ž-, s	č
*ž	j	ž	ž	č
*ń	j-,ń	n	ń	n-, ń
*s	s	s	s	s-/h-, s
*-j-	*-j-	-j-/-γ-	-j-	-j-
?*š	?	s	*š	?
?*z	j-	s-	s-	s-

Вокализм.

Реконструкция системы гласных для праалтайского в работах Г.Рамстедта и Н.Поппе ориентировалась существенным образом на тюрко-монгольскую сингармонистическую схему вокализма. Однако есть основания полагать, что исходная алтайская система гласных довольно существенно отличалась от тюркской и монгольской.

Рассмотрим систему гласных в тунгусо-маньчжурских языках. В работах В.И.Цинциус (1949) и И.Бенцинга (1955) для пратунгусо-маньчжурского первого слога восстанавливается система из восьми гласных (с учетом долготы/краткости -

из шестнадцати).

i	ü (Цинц.- у ^и)	і (Цинц. е)	u
ä	ö (Цинц.- у)	a	o

Все те же гласные (за исключением о) восстанавливаются для непервых слогов. При этом устанавливается общее сингармонистическое правило, согласно которому в двух соседних слогах могут быть представлены только гласные одного ряда. Таким образом, несмотря на то, что в современных тунгусо-маньчжурских языках сингармонизм весьма ограничен (рефлексы *i и *i, *ö и *u в большинстве случаев совпадают, фонема *ü как таковая также не сохраняется, и сингармонизм фактически сводится к запрету на сочетаемость ä, с одной стороны, и a, o - с другой), для праязыкового состояния реконструируется система, весьма сходная с тюркской и монгольской.

Однако, по нашему мнению, это впечатление обманчиво. Дело в том, что для пратюркского реальность восьмигласной (или девятигласной, если учитывать противопоставление *e - *ä⁴⁵) системы подкрепляется наличием большого количества односложных корней с каждым из реконструируемых гласных. Что касается тунгусо-маньчжурского, то в реконструируемых односложных пратунгусо-маньчжурских корнях реально встречаются только шесть гласных: *i, *ä, *ü, *ö, *o, *a; односложные корни с гласными *i, *u полностью отсутствуют. Если мы обратимся теперь к дистрибуции гласных в двусложных корнях, то увидим следующую ситуацию:

1-й слог	2-й слог						
	*i	*ä	*ü	*ö	*i	*a	*u
*i	-	+	-	-	-	-	-

*ä	+	+	+	+	-	-	-
*ü	+	+	+	-	-	-	-
*ö	-	+	+	-	-	-	-
*i	-	-	-	-	+	+	+
*a	-	-	+	-	+	+	+
*u	-	-	-	-	+	+	+
*o	-	-	+	-	+	+	-

По этой таблице очевидно, что гласный *i оказывается в дополнительной дистрибуции с *i, а гласный *u - с *ö (но не с *ü, поскольку как *ü, так и *u представлены после *a; кроме того, если мы объединяем в одну фонему *i и *i, то перед этой фонемой *u и *ü также оказываются противопоставленными, в отличие от *u и *ö, противопоставление которых и в этом случае отсутствует). Таким образом, мы можем без особой сложности свести число пратунгусо-маньчжурских гласных фонем к шести: *i, *ä, *ü, *ö, *o, *a. Такая система, однако, типологически довольно маловероятна (в переднем ряду больше фонем, чем в заднем; отсутствует высокий задний гласный u). Если мы обратимся к реальным рефлексам этих фонем в современных тунгусо-маньчжурских языках, то мы увидим, что на месте

ПТМ *ö в них регулярно представлены рефлексы u (так во всех языках в переднем ряду, т.е. перед последующими гласными *ü, ä, а в эвенкийском, орочком и удэйском также и в заднем ряду, т.е. перед гласными *i (= *i), *a и *ö (= *u); рефлекс o налицо только в заднем ряду в негидальском и нанайском, изредка также в орокском, ульчском и маньчжурском языках; солонский, эвенский, ульчский и орокский языки в заднем ряду имеют особый "сдвинутый" рефлекс u⁴⁶. Следовательно, вместо *ö И.Бенцинга, скорее всего, следует восстанавливать просто гласный *u, объединяя таким образом *ö и *u в одну фонему.

Особо следует остановиться на фонетической характеристике тунгусо-маньчжурских гласных *ä и *ü. Рефлекс *ä в современных языках (обозначаемый в русской транскрипции как э) определяется как "гласный смешанного ("среднего") ряда, среднего подъема, иногда слегка огубленный" (см. [Цинциус 1949,78]), т.е. нечто вроде /ə/. Поскольку в отношении сингармонизма гласные *ä и *ü ведут себя практически одинаково, велика вероятность того, что гласный *ü в прото-тунгусо-маньчжурском относился также не к переднему, но к среднему ряду, т.е. представлял собой нечто вроде /u/ (по современным языкам он дает рефлексы i либо u). Выше мы (в практических целях) обозначали *ä как e, а *ü как ü; этой же системы обозначений мы будем придерживаться и ниже, чтобы не слишком отходить от традиционной реконструкции; следует помнить, однако, что символы *e и *ü для ПТМ обозначают скорее гласные среднего ряда, чем переднего.

Перепишем теперь приведенную выше таблицу дистрибуции в новом виде (с шестью гласными фонемами):

1-й слог	2-й слог				
	*i	*e	*ü	*a	*u
*i	+	+	-	+	+
*e	+	+	+	-	+
*ü	+	+	+	-	-

*a	+	-	+	+	+
*u	+	+	+	+	+
*o	+	-	+	+	-

Мы видим по этой таблице, что основное правило ПТМ "сингармонизма" - это запрет на сочетание гласных *a, *o, с одной стороны, и *e, с другой стороны, в пределах двух соседних слогов. Кроме того, есть более частные ограничения (отсутствие *o в непервых слогах; запрет на следование *u после *o, *ï после *i и задних гласных после *ï).

Таким образом, тунгусо-маньчжурский сингармонизм коренным образом отличается от тюрко-монгольского и сводится к наличию некоторого числа ограничений в сочетаемости соседних гласных.

Нам представляется, что тунгусо-маньчжурская модель вокализма является более архаичной, чем тюрко-монгольская, на которую традиционно ориентировалась алтаистика. По-видимому, в протоалтайском сингармонизма не существовало вообще (или он проявлялся в ограниченном числе запретов на сочетаемость гласных), а в тюркском и в монгольском произошло выравнивание гласных в "разнорядных" словах (т.е. в словах, содержащих одновременно гласные заднего и переднего ряда). Аналогичный процесс происходил и в корейском (хотя последний, по-видимому, сохранил многие архаичные черты). Однако эта тема выходит уже далеко за рамки настоящей работы, и мы рассчитываем вернуться к ней в одной из последующих работ.

Здесь мы предложим только общую схему соответствий гласных между алтайскими языками - в том виде, в каком она сейчас намечается.

алт.

*i
*e
*ä
*ü
*ö
*i(ə)(?)
*u
*o
*a

Двойные рефлексы в тюркском, монгольском, возможно, также в корейском и тунгусо-маньчжурском обусловлены упомянутым выше процессом выравнивания гласных в "разнорядных" словах.

Помимо простых гласных (кратких и долгих⁴⁷), для праалтайского необходимо восстанавливать еще ряд дифтонгов:

алт.
*ia
*io
*iu(?*ue)
*ua

Примеры на все эти ряды соответствий см. ниже *passim*.

Итак, мы видим, что между алтайскими языками устанавливается система вполне регулярных фонетических соответствий, охватывающих целиком все фонологические подсистемы языков каждой подгруппы. Следовательно, главное условие генетического родства здесь оказывается выполненным. Однако этого еще недостаточно для констатации генетического родства - нужно еще показать, что эти соответствия соблюдаются в области базисной лексики, иными словами, что описанная выше система соответствий характеризует исконный, а не заимствованный пласт лексики в каждой из рассматриваемых подгрупп⁴⁸. Эта проблема рассматривается во второй части настоящей работы.

Глава 2

Лексикостатистика на материале тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и корейского языка

Единственным объективным способом оценки степени близости сравниваемых языков пока является лексикостатистика. В литературе лексикостатистическая методика М.Сводеша неоднократно подвергалась критике, часто, однако, необоснованной. Эта методика (как и любая другая) имеет свои достоинства и недостатки, однако налицо несомненный эмпирический факт: для всех языковых семей, родство языков внутри которых в научных кругах не подвергается сомнению (таких, как индоевропейские, тюркские, уральские, картвельские, тибето-бирманские, австронезийские и пр. и пр.), лексикостатистические подсчеты всегда дают результат, заведомо превышающий порог случайных совпадений (не менее 10% совпадений в пределах 100-словного списка М.Сводеша). Поэтому мы считаем, что лексикостатистический анализ - довольно надежное средство доказательства родства языков (а также хорошее вспомогательное средство для установления генеалогической классификации языков внутри семьи и для абсолютной хронологии распада праязыка этой семьи.) Не следует забывать лишь об одном чрезвычайно важном обстоятельстве: лексикостатистика никоим образом не заменяет собой сравнительную фонетику и грамматику. Методически абсолютно неправомерно проводить лексикостатистические подсчеты на материале языков, между которыми не установлена система регулярных фонетических соответствий. Подобные подсчеты (от которых, к сожалению, не удержался и сам автор лексикостатистической теории - см. [Сводеш 1965]) зачастую приводят к самым фантастическим результатам (поскольку велика вероятность учета случайных совпадений, и, напротив, в случае отдаленного родства сравниваемых языков - необнаружения исконно родственных лексем, сильно видоизмененных фонетически).

Попытка лексикостатистической оценки алтайской теории была предпринята в 1969 г. Дж. Клоном [Клосон 1969]. Взяв за основу 200-словный список М.Сводеша для древнетюркского, древнемонгольского и маньчжурского языков (корейский и японский не учитывались), Дж.Клосон пришел к выводу о том, что общие элементы в тюркском и монгольском составляют не более 2%, а в

монгольском и маньчжурском - не более 3,5%, а следовательно, алтайская теория неправомерна. Однако тщательная проверка материала показывает, что Дж.Клосон осуществлял свои подсчеты, полностью игнорируя все достижения сравнительной фонетики алтайских языков. Конкретную критику отдельных тезисов Дж.Клосона см. ниже; в целом же нужно сказать, что разбор лексических совпадений между алтайскими языками без учета обширной литературы, написанной специально на этот предмет, конечно же, недопустим.

Мы проводили сравнение лексики по стандартному 100-словному списку М.Сводеша. Кроме того, для некоторых целей, которые станут ясными ниже, мы обследовали также 10 дополнительных словарных значений, предложенных С.Е.Яхонтовым ("близкий", "ветер", "год", "далекий", "змея", "короткий", "соль", "тонкий", "тяжелый", "червь"). Фактически мы использовали, таким образом, 110-словный список. Конкретные списки по 54 алтайским языкам и диалектам см. в Приложении.

Чтобы избежать ошибки, допущенной при подсчетах Дж.Клосоном, мы предварим лексикостатистическую процедуру этимологическим разбором схождения, наблюдающихся между алтайскими языками в пределах 110-слового списка. 1. "белый": тюрк. *sāri-g ~ ср.-кор. hǎi (< *siāri-) < алт. *siāri.

В большинстве тюркских языков и в древнетюркском этот корень имеет значение "желтый" (др.-тюрк. saŋıŋ, туркм. sāri, як. araŋ-as, тур. saŋı и т.д.), но в чувашском рефлекс *sāri-g šogǎ означает "белый" (чув. saŋǎ "желтый", по-видимому, вторично заимствовано из татарского), см. VEWT 403-404, EDT 848, ЭСТЯ 339. По всей видимости, пратюркское *sāri-g "белый" изменило значение уже после отделения чувашского, будучи вытеснено корнем *āk (отсутствующим в чувашском, см. VEWT 12, ЭСТЯ 116-117, EDT 75)⁴⁹. Из монгольского материала к данному корню относят ср.-монг. šira, монг.-письм. sira "желтый" (см. [Владимирцов 1929,318], KW 349, VEWT 404, [Miller-Street 1975, 131], МССИЯ 363, [Клосон 1969,40])⁵⁰.

Из тунгусо-маньчжурского материала к рассматриваемому алтайскому корню обычно привлекается маньчж. šara- 'сесть, белеть', šari 'свет, сияние', ša-xun (< *šar-xun) 'беловатый' [(см. ТМС 2,381, где эти формы ошибочно объединены с рефлексами основы *ša- (< монг.) 'белый')]. Сюда же, очевидно, относится ПТМ *siārū- 'радуга, молния' (эвенк. sêrū- 'переливаться (о радуге), сверкать (о молнии), sêrūn 'радуга; молния'; орок. sêro ~ sjo 'радуга' (см. также ТМС 2,72).

Японскую параллель см. ниже (с. 82).

Ср. МССНЯ 363 (ностр. *śohrV 'светлый'), где алт. *siāra 'желтый, белый, бледный' (тюрк., монг. sira, маньчж.) сопоставляется с урал. *śōra 'светлый, белый, серый', сем.хам. *śhr 'луна'. Долгопольский [Долгопольский 1974, 165] привлекает к сравнению с сем.-хам. *ǰVhr 'луна' только монг. sara (а также самод. *jīrV 'луна').

Ср.-кор. hāi- 'белый', хотя соответствия вполне регулярны, обычно к сравнению с рассматриваемым корнем не привлекается (по-видимому, из-за того, что большинство исследователей знакомы только с современной формой hi- 'белый', которая еще дальше отошла от первоначального архетипа). 2. "близкий": тюрк. *jag-uk, *jak-in ~ ТМ *daga < алт. *daka.

В тюркском рассмотренные образования (ср. чаг. jauk, каз. žūk, чув. śivāx, тур. jak-in, туркм. jak-n, як. śugas, sugas etc.) формально являются отглагольными (ср. др.-тюрк. jaq-, jaḡ-, jaḡu- 'приближаться', чаг. jaq-, javu- 'приближаться' etc.), см. VEWT 178, 180, EDT 896,898,901,904, ЭСТЯ 224⁵¹.

В тунгусо-маньчжурском ср. эвенк. daḡa 'близкий', сол. daga 'близко', эвен. daḡə-m- 'приближаться', dā-lī 'близкий', нег. daḡa id., уд. dā-ša id., нан. da-ptī 'ненадолго' [=эвенк. daḡa-ptī 'ближайший (по времени)'], маньчж. da-rtaj 'скоро, вскоре', см. ТМС 1, 187-188.

К этому же корню относится монг.-письм. daḡa-, ср.монг. daqa- (= daGa-) 'следовать за кем-л.', монгор. daGāid., калм. daḡA-, халха-монг. daga- id. См. XII 48, KW 72, DM 38.

Сюда же относится кор. tai-m 'следующий; далее, затем' (ср.-кор. форма не зафиксирована). Японскую параллель см. ниже (с. 82).

См. SKE 250 (тюрк. ~ монг. ~ ТМ ~ кор.), KW 72, [Porre 1960,22, 120]. Ср. также ОСНЯ 1,215-216 (ностр. *daqa 'близко'), где приведенные алтайские формы сравниваются с сем.-хам. *dḡ 'близко', урал. *taka 'задний'. 3. "весь":

а) тюрк. *Kop ~ монг.-письм. qou ~ ТМ *куру- < алт. *kop'у.

Корень *kop засвидетельствован только в древнетюркском и среднетюркском в виде qop, см. ДТС, VEWT 281, EDT 579⁵²; в современных языках отсутствует.

Монг.-письм. qou, калм. хō "alle, alles, ganz", см. KW 191.

В ТМ ср. эвенк. kūkte (диал. kuwu-kti) 'весь, целый; целиком'; солон. хоккоḡi 'полностью'; нег. керу-kte 'весь, целый'; уд. kufu-la, -le 'сплошь'; ульч. кур-te 'целый'; ороц. qoro-ю, куру-kte id.; нан. куру-kte 'весь, целый, целиком'. См. ТМС 1,426

(эвен. kubəš, орок. курици, маньчж. gubči ~ kurči, очевидно < монг. gübčün ~ kübčün).

См. [Владимирцов 1929,255-256], KW 191⁵³.

b) тюрк. *büt-ün ~ ср.-кор. mòtán, mòtá, mòtó < алт. *mut'Е.

В тюркском данная основа (др.-тюрк. bütün 'весь, целый, полный', тур., аз., кум., як. bütün, чув. рōdđm etc. 'весь, целый') является производной от *büt- 'кончатся, завершаться' (др.-тюрк. büt-, тур., аз., туркм. bit-, як. bütetc.), см. VEWT 93, ЭСТЯ 2, 152, 302-303, EDT 298-306, ЭСЧЯ 158. Из тюркского заимствовано монг.-письм. bütü-, калм. büt-'завершаться', монг.-письм. bütün, калм. bütн 'совершенный, законченный' (KW 69-70). Рамстедт считает тюрк. *büt- и монг. bütü- исконно родственными, а тюрк. bütün < монг.; все это маловероятно ввиду внешних данных (начальный *m- не должен давать монг. b-).

Ср.-кор. mòtán, mòtá, mòtó 'весь, все' (ХМ 234: mòtн, КС 214), в свою очередь, является производным от глагола mòt'собираться, накапливаться' (ХМ 235, КС 217).

Корейские формы в SKE 152, на наш взгляд, неудачно сравниваются с монг. miži 'нация, народ', др.-тюрк. budun id. В SKE 260-261 Г.Рамстедт сравнивает тюрк. *büt- с ТМ *mute-'мочь, уметь; исполнить, закончить' (см. ТМС 1,561); там же, однако, приводятся монгольские формы, считающиеся исконно родственными, и мало надежная корейская параллель. ТМ *mute- может относиться к рассматриваемой нами основе только если признать контаминацию в ТМ двух исконных алтайских корней [алт. *müte 'знать, верить', см. выше, с. 15, и алт. *mut'Е 'кончать(ся), завершать(ся)'].

Не исключено, что сама алтайская основа *mut'Е 'завершать(ся), накапливать(ся)' является производной: ср. в ср.-кор. при mòt- 'собираться, накапливаться' основу mòi-(mòi-hó-, КС 220) 'собирать, накапливать'⁵⁴. 4. "вода"

а) тюрк. *sub ~ ср.-монг. usun, монг.-письм. usu, usun < алт. *suwA (~ *süwA).

В тюрк. ср. др.-тюрк. sub, ср.-тюрк. suv ~ suу, туркм. suv, кум. sū, як. ū, чув. šiv etc., см. ДТС, VEWT 431, EDT 783, ЭСЧЯ 340.

В монг. ср. ср.-монг. usun (ХИ 106), письм.-монг. usu, usun, калм. usn (KW 452), халха-монг. us, дун. usu, бао. sū ~ sə, дагур. os, монгол. fuзу (с вторичным f- < *usu) (DM 102) etc.

Тюркская и монгольская формы обычно не сравниваются из-за несоответствия структуры корня. Однако представляется, что это препятствие вовсе не так непреодолимо. Дело в том, что монгольский явно избегает в начале

основы последовательностей типа CiC- и CuC- с двумя одинаковыми согласными, стремясь к их устранению. Этот процесс начался, очевидно, уже в протомонгольском (многие формы такого типа уже упростились к среднемонгольскому периоду, ср. *üsün* 'молоко' < **süsün* < **süt-sün* при тюрк. **sūt id.*, *uta-ʔan* 'дым' < **tuta-ʔan* при тюрк. **tüt-ün id.*, см. ниже), но продолжался и на протяжении более позднего периода. Ср. при ср.-монг. *sisgei* - монг.-письм. *isegei* 'кусочек войлока', при ср.-монг. *sisamun* - монг.-письм. *simayul* 'мука', при ср.-монг. *nuntuq* 'лагерь' - монг.-письм. *nutuq* и др. Объясняется это, очевидно, рано начавшимся процессом редукции узких гласных первого слога (впоследствии в ряде современных монгольских языков приведшем, в частности, к их полному выпадению в анлауте).

Таким образом, вполне вероятно, что ср.-монг. *usun* восходит к **su-sun* < **suw-sun* [с распространенным именным суффиксом -*su(n)*] и прямо генетически связано с тюркским **sub*⁵⁵. Поэтому отпадает необходимость связывать монг. *u-* и *u-sun* с ТМ **ūwa* 'волна' (ТМС 2,247) [Рамстедт 1957, 199] и далее, с урал. **uwa* 'течение, поток' (см. ОСНЯ 1,256).

Ср. МССИЯ,341 (ностр. **sVwV* 'жидкость'), где тюрк. **sub* (без монгольских параллелей) связывается с и.-е. **seu(H)* 'жидкость, лить', картв. **s₁w-* 'пить', сем.-хам. */š/w-'пить'.

b) ТМ **mū* ~ ср.-кор. *mír* < алт. **mūri*.

В ТМ ср. эвенк., сол., нег., ороц., орок. *mū*, эвен. *mō* ~ *mū* 'вода', уд. *mu-de* 'наводнение'; к суффицированной форме **mū-ke* восходят ульч. *mū/mue*, нан. *mue* (диал. *mike*), маньч. *mike* 'вода' (см. ТМС 1,548-549).

Ср.-кор. *mír* см. в ХМ 360, КС 229. В др.-кор. (XII век) зафиксировано написание 3527 *muət* (= /*mír*/), см. КЧС 161.

К этому же корню относится ср.-монг. *müre-n* (ХИ 76), монг.-письм. *mögen* (KW 267) 'река'. Ср. также -*mu-sun* (< **mursun*) в *nil-musun* 'слеза' ('вода глаза'), см. ниже.

В тюркском корень в чистом виде не сохранился; ср., однако, -*muḡ* в тюрк. **jaḡ-muḡ* 'дождь' (VEWT 177), первоначально, по-видимому, 'дождевая вода' (суффикс -*muḡ* в тюркском отсутствует); о корне **jaḡ-* см. ниже.

Японскую параллель см. ниже (с. 82).

См. SKE 154, [Porre 1960,35, 110] (монг. ~ ТМ ~ кор.). В.М.Иллич-Свитыч

(ОСНЯ 2,61) отделяет ТМ *mū, считая, что *-г не мог отпасть в ТМ, и сравнивая ТМ форму с и.-е. *meu- 'влажный', сем.-хам. *mw 'вода, влага' (см. ОСНЯ 2,62-63, ностр. *mEwV). Корейскую и монгольскую формы В.М.Иллич-Свитыч сравнивает с сем.-хам. *mg 'влажный', картв. *mag- 'озеро, влажная почва; облако', и.-е. *mog- 'болото, водоем', драв. *mag-ai 'дождь' (ОСНЯ 2,60-61, ностр. *mäǰä). На самом деле отпадение *-г в ТМ здесь вполне регулярно (см. выше, с. 20), и вряд ли необходимо отвергать традиционное сближение ТМ и прочих алтайских форм. 5. "волос":

а) тюрк. *kıl ~ ТМ *xıl-ǰa (< *xıl-ǰa-) ~ др.кор. *kār-k- < алт. *k'IV.

В тюрк. ср. др.-тюрк. qıl, тур., аз., туркм., як. и т.д. qıl 'волос' (всякий), чув. хёл-эх 'лошадиный волос', см.(ДТС; VEWT 262; EDT 614; ЭСЧЯ 297-298).

В ТМ ср. эвенк. inǰa-kta, сол. inǰa-kta- ~ inǰa-tta, эвен. inǰət, нег. inǰa-kta ~ inǰa-kta, ороч. inǰa-qta, уд. inǰa-kta, ульч. sǰina-qta, орок. sǰina-qta, нан. sǰina-qta 'волос, шерсть' (общее слово), маньч. inǰa-xa 'пух (птичий)'. Без суффикса kta- ср. эвенк. inǰa-, нег. inǰa- 'сдирать волосы, шерсть', нан. sǰina 'шерстяной ковер' (см. ТМС 1,317). В ТМ основа осложнена распространенным суффиксом -ǰa; без этого суффикса ср., возможно, ТМ *xila-ga 'цветок' (< 'стебель'); именно эту форму привлекает к сравнению с тюрк. *kıl и монг. kilga-sun В.М.Иллич-Свитыч (ОСНЯ 1,351-352)⁵⁶.

К этому же корню относится монг.-письм. kil-ǰa-sun, калм. kilǰasn, kilʰǰsn 'толстый лошадиный волос, волос хвоста' (KW 231).

В корейском ситуация довольно сложная. В др.-кор. (КЧС 167) зафиксировано написание 3473215926434252 mǰ-tǰej-ǰäik-si = /mǰri-gā(r)k-si/ 'волосы'. К этой др.-кор. форме восходит ср.-кор. kārki 'лошадиная грива' (ХМ 308), совр. kǰlgi id. Но в современном корейском имеется также mǰri-kharak, mǰrikhal 'волосы головы', наряду с более распространенными mǰrithəl, mǰri-thǰrək⁵⁷. Надо полагать, что современные формы mǰri-kharak, mǰri-khal восходят к *mǰri-kārki с вторичной модификацией фонетики под влиянием синонимичных mǰri-thǰrək, mǰri-thəl. Г.Рамстедт (РКЕ 84) сравнивает с тюрк. *kıl и монг. kilǰa-sun корейскую форму k:il, которой на самом деле не существует (см. [Rosen 1974,77; Miller-Street 1975, 103] где указывается на это обстоятельство и предлагается правильное сопоставление с кор. kǰlgi).

Японскую параллель см. ниже (с. 83).

См. РКЕ 84, VEWT 262 (тюрк. ~ монг. ~ кор.), [Miller-Street 1975, 103], ОСНЯ 1,351-352 (ностр. *kila 'стебель, волос'; в алтайском разделе сравниваются тюрк. *kıl, монг. kilǰa-sun, ТМ *xila-ga 'цветок' и, видимо, несуществующая форма кор.

məti-gil 'волос'; алтайские формы далее сравниваются с и.е. *k'el- 'стебель', урал. *kalke 'волос, очески' и драв. *kel 'волос, перо').

b) монг. *füsün (< *p'ün-sün) ~ ТМ *p'üñe- < алт. p'ünV.

Ср. ср.-монг. (XI) hüsün, монг.-письм. üsün, калм. üsn, халха-монг. üs, дун. usun, бао. suŋ, даг. χusw, монгол. fudze "волос".

Из ТМ материала ср. маньчж. fuñexe, чжурчж. funixie "волос" (см. ТМС 2, 303).

См. KW 460; альтернативная этимология Поппе [Porpe 1960, 70]: сближение ТМ формы с монг. ünegeŋ "лиса" и як. ünügäs "щенок") явно неприемлема.

Японскую параллель см. ниже (с. 107). 6. "ветер": тюрк. *jel ~ монг.-письм. sal-kin < алт. *zeIV.

Ср. др.-тюрк., тур., аз. jel, тат. žil, чув. śil 'ветер' и др., см. ДТС, VEWT 195, EDT 916-917, ЭСЧЯ 213.

В монг. ср. монг.-письм. salkin, калм. sälkn (KW 318), халха-монг. salxi, юй. salGəŋ, монгол. sark'ī (DM 329), ср.-монг. (XI) sakir 'ветер'. Из монг. заимствованы различные современные тюркские формы (тат., каз. salqın 'прохладный', тел. salqın 'сильный ветер' etc., см. VEWT 398)⁵⁸.

Также из монгольского заимствованы эвенк. salgin, эвен. halgon 'воздух' и др. тунгусо-маньчжурские формы (см. ТМС 2,58). Исконным соответствием является, однако, эвенк. sal-din 'ветер (прохладный, легкий)', см. ТМС (там же). Эвенкийское слово подтверждает и членение монг. salkin на sal-kin.

Сближение тюрк. и монгольской форм, насколько нам известно, ранее не предлагалось. Оно возможно при условии принятия соответствия "монг., ТМ s- : тюрк. *j-", о котором см. примеч. 25). 7. "глаз": монг. ni-dün ~ ТМ *niā-sa ~ ср.-кор. ni-n <

алт.*niā.

Монг.: ср. ср.-монг. nidün (XI 78), письм.-монг. nidün, калм. nüdn (KW 282), монгол. nuDu (DM 287), халха-монг. nüd, дун. udun, бао. nəduŋ, даг. nid, юй. nudun. Из монг. заимствовано эвенк. nundun 'глаз' (см. ТМС 1,646)⁵⁹. Основа *ni- в монгольском вычленяется также в производном *ni-l-musun (*niā-l'- mür-sun) 'слеза', букв. 'вода глаза', ср. ср.-монг. nilbusun (XI 79), монг.-письм. nilbusun, nilmusun, калм. nul'm^usn, nülmüsn (KW 281,282), халха-монг. nulims, дун. nubusun, бао. namsuŋ, даг. njombus, юй nuləsəŋ, монгол. nump'uzE (DM 290)⁶⁰. Одзава [Одзава

1968, 145] правильно этимологизирует *niibusun* как "глаз + вода", но неверно отождествляет здесь *-busun* с монг. *usun* 'вода' (этом слове нет лабиального анлаута, см. выше).

ТМ: ср. эвенк. *êsa*, сол. *īsa-l*, эвен. *āsä-l*, нег. *êsa*, ороц. *isa*, уд. *je^hä*, ульч. *i.sa-l*, орок. *īsa*, маньчж. *jasä*, нан. *nasa-l*, см. (ТМС 1,291-292); [Колесникова 1979,280]. Нанайский рефлекс указывает на ПТМ **ñ-* (в остальных языках регулярный переход **ñiā-* > **iā-*⁶¹, поэтому реконструкция И.Бенцинга [Benzing 1955,973] **iā-sa* неоправдана). С другими суффиксами корень **ñiā-* сочетается, например, в нег. *ê-jan* 'ячейка рыболовной сети' (в прочих языках это значение выражается одинаково со словом 'глаз'), а также ТМ **ñiāgu-* 'рассматривать' (эвенк. *êgu-cta-*, эвен. *āgu.* и др., см. ТМС 1,291; вопреки ОСНЯ 1,280 данное образование не может соотноситься с тюрк. **jaŋu-* 'светить'). Общеалтайское словосложение **ñiā-(l)-mūri* 'вода глаза = слеза' представлено в ПТМ в виде основы *(i)*ñamū* 'плакать, слеза'⁶² > эвенк. *iñamū-* 'плакать', *iñamū-cta* / *ñamu-cta* 'слеза', нег. *ñamta* 'слеза', нан. *ñamoqta*, *ñamoqta id.*, и пр., см. (ТМС 1, 319); [Колесникова 1972^a,269-270].

Кор.: др.-кор. /*nun*/ (нон, КЧС 167); ср.-кор. *nún* (КС 115, ХМ 199) 'глаз' (< **nǎ-un* или **ni-un*), *nún-mír* ~ *nún-s-mír* 'слеза'. Из старокорейского, вероятно, заимствовано маньчж. *hoŋo* 'зрачок'.

В тюркском старый алтайский корень 'глаз' (**ñiā*) заменен новообразованием **gör* (очевидно, производным от **gör-* 'смотреть', см. VEWT 292,295), но, вероятно, сохранился в производном **ñiā-l* > **jāl* 'слеза' (др.-тюрк., ср.-тюрк. *jaš*, туркм. *jāš*, тур. *jaš*, чув. *koś-sol* etc., см. VEWT 192, EDT 972, ЭСЧЯ 120-121)⁶³.

Японскую параллель см. ниже (с. 83-84).

См. KW 281 (тюрк., монг. 'слеза'), SKE 172 (монг. ~ кор.), ТМС 1,292 (монг. ~ ТМ 'глаз'), 319 (монг. ~ ТМ 'слеза'). 8. "год": тюрк. **jil* ~ монг.-письм., ср.-монг. *žil* < алт.

**dila*.

Тюрк.: др.-тюрк., ср.-тюрк. *jil*, тур., туркм. *jil*, каз., тат. *žil*, як. *sil* etc. См. ДТС, VEWT 200, EDT 917. Чув. *sol*, *sul* 'год' возводится обычно к тюрк. **jāl* 'возраст'; скорее всего, налицо контаминация двух общетюркских корней (закономерным рефлексом **jil* в чув. было бы **šäl*); см. ЭСЧЯ 216.

Монг.: ср.-монг. *žil* (ХИ 67), монг.-письм. *žil*, калм. *žil* (KW 109), халха-монг. *žil*, юй. *žäl*, монгол. *dz'ir* (DM 92).

К этому же корню относится локальное северотунгусское название солнца

*dila-čā (эвенк. dilačā, сол. del'eča, нег. dilača, см. ТМС 1,206). Из корейского материала сюда же следует привлечь кор. tol-s 'один (полный) год, годовщина' (ср.кор. форма не зафиксирована).

См. [Владимирцов 1929, 171], KW 109 (тюрк. ~ монг.); [Ramstedt 1957] (тюрк. ~ монг. ~ ТМ); VEWT 200 (привлекается к сравнению также кор. jəl 'десять', что чрезвычайно сомнительно); ОСНЯ 1,220 (тюрк. ~ ТМ). Некоторые авторы (EDT 917), [Клосон 1969, 38-39], В.М.Иллич-Свитыч (ОСНЯ 1,220) считают монгольское слово заимствованным из тюркского. Однако для этого как будто бы нет никаких оснований, поскольку соответствия вполне регулярны. Тот факт, что в монгольском слово žil обозначает прежде всего "циклический год, год жизни" (другие оттенки значения обслуживаются ср.-монг. hon, монг.-письм. on), а в тюркском *jil обозначает год вообще, также не являются доказательством заимствования. Наоборот, представляется, что монгольский сохранил более архаичное значение (ср. его точное соответствие в корейском).

Корейское tols, насколько нам известно, к сравнению с тюрк. *jil, монг. žil, ТМ *dila-čā ранее не привлекалось (хотя формально tols полностью = *dila-čā < *dila-čV; современная форма (в транслитерации) tols может восходить к ср.-кор. *tolč)⁶⁴.

Японскую параллель см. ниже (с. 84).

Ср. ОСНЯ 1,210-220 (ностр. *dila 'солнечный свет'), где с алтайскими формами сопоставляются картв. *dila 'утро' и и.-е. *dhel- 'солнце, светлый'. 9. "голова": тюрк. *bal'(č) ~ ср.-кор. məri < алт. *mal'V.

Тюрк.: др.-тюрк., ср.-тюрк., туркм., тур., аз. и др. baš, каз., як. bas, хак. pas, чув. ruś и др. См. VEWT 64, ЭСТЯ 2, 85-87б, EDT 375-376, ЭСЧЯ 168.

Кор.: ср.-кор. məri (ХМ 51, КС 210), др.-кор. 3473, 2159 ma-tiej /məri ~ mari/ (КСЧ 167).

См. SKE 146 (тюрк. ~ кор.). Там же привлекается нан. balža 'лицо, голова', но в нанайском (согласно ТМС 1,70) имеем только balžir, balžiča 'вид, фасон; лицо', производное от balžir 'родиться, жить, возникнуть' (ПТМ *bal-di-) с очевидно вторичным развитием значения (мы не говорим уже о том, что кор. m- не соответствует ТМ *b-). Точно так же сомнительно (по фонетическим и семантическим причинам) сравнение тюркского корня с монг.-письм. bašil- ~ bišil- 'размышлять', biši-yun 'смышленный' [Владимирцов 1929, 375]. 10. "грудь (женская)"

а) монг.-письм. kökün ~ ТМ *(x)ukun/*kukun < алт. *kok'ü-

Монг.: монг.-письм. *kökün*, калм. *kökn* (KW 237), дун. *gogo*, даг. *hgön*, монгол. *k'üGuo* (DM 208) etc. Формально *kökün* является производным от глагола монг.-письм. *kökü-* ~ *köke-* 'сосать грудь' (халха-монг. *xöxö-*).

ТМ: эвенк. *ukun*, эвен. *okən*, нег. *охон*, ороч. *oko(n-)*, уд. *kos'о* (< **kuku-su*), улч. *kie(n-)*, орок. *qō(n-)*, нан. *kū*, маньчж. *хихун*. И в тунгусо-маньчжурском данная основа формально произведена от глагола "сосать (грудь)" (эвенк. *уки-*, эвен. *ok-*, негид. *охо-* etc.); см. ТМС 2,254-255, Колесникова 1972^a, 297.

Данный корень широко представлен во всех алтайских языках, ср. тюрк. **gökür* ~ **gögü-ṛ* 'грудь (вообще)': др.тюрк. *köküz*, туркм. *gövüs*, тур. *göyüs*, аз. *köküs* (*köks*), хак. *kögis*, чув. *kögör* etc. (см. VEWT 288, ЭСТЯ 3,54-55, EDT 714, ЭСЧЯ 98); ср. также производное **gökr-äk* 'грудь' (узб. *қоқрак*, тат. *kükräk* и др.), см. VEWT 288, EDT 712 (последний сомневается в том, что **gökräk* связано с **gökür*; эти сомнения вряд ли обоснованы). В корейском ср. кор. *когеңи*, ср.-кор. *кокайяң* 'сердцевина' (КС 45)⁶⁵. Семантически более сомнительно привлечение сюда кор. *кокци* 'верхушка, вершина' (ср.кор. *коктаи*, *кòкòгí*, *кòкíгí*, *кокци*), см. [Колесникова 1971, 143-144; 1972, 78-84].

См. [Porre 1960, 132] (монг. ~ ТМ ~ тюрк.), [Колесникова 1971, 140-143]. Владимирцов сравнивает тюрк. **gökür* с монг. *keberdeg* 'грудина', маньчж. *кеңгери id*. [Владимирцов 1929, 251], но такое сравнение фонетически неоправдано; лишено основания также сравнение монг. *kökün* с тюрк. **kök* 'корень' (KW 237).

b) ТМ **ča(i)žan* ~ ср.-кор. *čjás* (=čjǎč) ~ чув. *čěžě* < алт. **č'ajVžV*.

Из тюркских языков слово представлено лишь в чувашском, и можно было бы думать о сохранении в нем архаизма (вытесненного в прочих языках новообразованием **ämig* от **ām-* 'сосать', см. VEWT 41). Однако надежность такого решения существенно снижается из-за явно "детского" характера чувашского слова.

ТМ: ср. эвен. *žežin* ~ *жаžан* 'вымя', нег. (устар.) *žojan* 'женская грудь', орок. *dada-qta* 'женская грудь; вымя'; эвенк. *žadān* (с диссимилиацией < **жаžан*) 'вымя' (ТМС 1,242); маньчж. *čežep* 'грудь (верхняя часть)' (ТМС 2,419).

Маньчжурский сохраняет в данном случае более архаичную форму (с *č-*); в северных языках налицо ассимиляция **ča(i)žan* > **жа(i)žan*.

Кор.: ср.-кор. *čjás* (ХМ 203, КС 426-427). Конечный *-s*, вероятно передает здесь морфонологический *-č* (в ср.-кор. в ауслауте *-č* и *-s* уже путались), ввиду наличия инлаутного *-č* при присоединении к данному корню вокалических аффиксов (ср.

совр. имен. пад. *šež-i* и под.).

Из монгольского материала к данному корню следует отнести монг.-письм. *šeježi*, халха-монг. *сež*, калм. *tsēdži, tšēži* 'грудь (вообще)', см. KW 428 (сравнение с ТМ **tūŋen* 'грудь', предложенное Г.Рамстедтом, вряд ли оправдано). Японскую параллель см. ниже (с. 84). Сближение монгольской и маньчжурской формы см. [Колесникова 1972^a, 295]; ТМС 2,419. Корейскую форму *čjəs* Г.Рамстедт (SKE 30) сравнивал с ТМ **čilču*- 'бородавка, сосок' (см. ТМС 2,394), но это сравнение вряд ли приемлемо фонетически. 11. "два": ТМ **žuwe*-(r) ~ ср.-кор. *tūr(h)* ~ ср.-монг. *ži-rin* < алт. **diüwV*.

ТМ: эвенк. *žū-г* 'два', *žū-kte* 'двое'; сол. *žūr* 'два', *žū-tul* 'по два'; эвен. *žēr* 'два', *žo-təl* 'по два'; нег. *žū-l* 'два', *žūtel* 'по два'; ороч. *žū*, уд. *žū*, орок. *dū* 'два'; нан. *žue-г* 'два', *žu-tu* 'двое'; маньчж. *žuwe* 'два' (ТМС 1,276-277). Словообразовательные отношения явно указывают на то, что корнем здесь является **žuwe*, а -г- - суффиксальный элемент.

Монг.: ср.-монг. (ЮЧ) *ži-rin* 'два', монгор., дагур. *dz'ür* (DM 96) 'пара'. Судя по вокализму ю.-монг. формы *ži-rin* восходит к прото-монг. **žiw-rin* (ср. еще монг.-письм. *žöbe-ger* 'один из двух'). В монг.-письм. и современных языках сохранились только различные производные от этого корня (см. Рамстедт 1957,65), а в основном значении "два" он был вытеснен (уже с XIV века, ср. в XII 90 *qojar* 'два') формой *qojar* (первоначально 'следующий, второй', ср. *qojina* 'позади', см. Рамстедт *ibid.*).

Кор.: ср.-кор. *tūr(h)* 'два' (КС 167), др.-кор. *tubir* ~ *tuwir* (КСЧ 159). И здесь корнем является *tū-*, ср. в сложениях ср.-кор. *tū-njə* 'два-три' и т.п.

В тюркском исконное числительное "два" было вытеснено новообразованием **ek(k)i* 'два' (возможную этимологию см. [Рамстедт 1957,65]).

См. SKE 274-275 (ТМ ~ кор.), [Рамстедт 1957,65] (монг. ~ ТМ ~ ~ кор.). См. далее МССНЯ,338 (ностр. **to* 'два'), где корейская форма (без ТМ, монг. и тюркских параллелей) сравнивается с и.-е. **due-* 'два' и урал. **to-ńс'e* 'второй'). 12. "дерево": ср.-монг., монг.-письм. *mo-dun* (< **mor-dun*) ~

ТМ **mō* (< **mōr*) < алт. **mōr/u*.

Монг.: ср.-монг. *modun* (ХИ 75), монг.-письм. *modun*, калм. *modn* (KW 263), халха-монг. *mod*, дун. *mutun*, даг. *mood*, юй. *muudən*, монгор. *mōDi* (DM 238). Монг. *mo-dun* регулярно восходит к **mor-dun* с утратой -г перед суффиксом -*dun*.

ТМ: эвенк., сол., эвен., нег., ороч., уд., ульч., орок., нан. *mō*, маньч. *моо* (ТМС

1,540-541). Дж. Клосон считает маньчжурское слово китаизмом ([Клосон 1969,40]), но это абсолютно исключено (*mō 'дерево' несомненно восходит к пратунгусоманьчжурской эпохе, а в это время китайское название дерева имело еще конечный -к: ср.-кит. тук, др.-кит. *mōk; кроме того, ни одного другого китаизма в прото-тунгусо-маньчжурском как будто бы не обнаружено). ТМ *mō регулярно восходит к *mōgi или *mōgu (см. выше, с. 20).

Тот же корень представлен в ср.-кор. mōi (ХМ 155, КС 219) < *mōgi 'гора', mōgō 'гора, лес' (КС 215)⁶⁶.

См. SKE 150 (монг. ~ ТМ ~ кор.). В.М.Иллич-Свитыч (МССНЯ,339) сравнивает монг. и ТМ формы (без привлечения корейских) с урал. *maj/δ/â 'лес'; эта параллель сомнительна. Но ср. также ОСНЯ 2,45: ностр. *marV 'дерево' > урал. *mare ~ *more⁶⁷, драв. *mara(m). Сюда же вполне может относиться и алт. *mōr/u/. Отметим, что подобное сближение было предложено уже К.Будой [Bouda 1953, 162]. См. также [Дмитриева 1979, 168]. 13. "длинный": тюрк. *uġ ~ ср.-монг. ur-tu, монг.-письм.

ur-tu < алт. *uġA.

Тюрк.: др.-тюрк. uzun 'длинный, долгий', uzaq 'долгий', uza- 'тянуться, затягиваться'; туркм. uzun, тур., аз., хак., тув. etc. uzun, як. uhun, чув. vōġōm 'длинный, долгий'; тур. uza- 'быть длинным, долгим', тув. uza- id., як. uha- 'затягиваться, длиться' etc.(VEWT 518, ЭСТЯ 1,570-572, EDT 281,283,288-289,ЭСЧЯ 49-50). Не вполне ясно, как относится сюда тюрк. *ür 'давно, долго' (см. VEWT 522).

Монг.: ср.-монг. urtu (ХИ 106; не hurtu, как у Поппе [Poppe 1960, 81, 100!]), монг.-письм. ur-tu, халха-монг. urt, калм. ur^u (KW 452), монгол. fuDur (DM 101) (с вторичным fпо закону Мудрака-Хелимского: fuDur < *utur < *ur-tu) 'длинный'.

Сюда же, видимо, следует относить ср.-кор. òrá-tá 'поздний, давний' (КС 379).

См. SKE 178 (кор. ~ тюрк. ~ монг.; более сомнительно привлечение там еще и монг.-письм., ср.-монг. uri-da 'впереди, ранее' и эвенк. ugi-pti 'недавно' < ТМ *ūge-, см. ТМС 2,281-282); [Poppe 1960,81, 100] (тюрк. ~ монг.⁶⁸). 14. "дождь": тюрк. *jag- ~ ср.-кор. pí < алт. *p' iägi

(~ *p' iäki).

Тюрк.: др.-тюрк. jaŷ- 'идти (о дожде, снеге)', jaŷmur 'дождь'; тат. jau, кирг. žā-, кум. jaw-, як. ja-, чув. šu- / šäv- 'идти (о дожде); туркм. jaŷ-in, jaŷ-mir, кум. jaun, jaŷmur, чув. šumär ~ šōmör и др. 'дождь'(VEWT 177, EDT 896,903-904, ЭСЧЯ 216,218).

Кор.: ср.-кор. pí 'дождь' (КС 275, ХМ 154), др.кор.piwī ~ pijī (КЧС 158).

Ср.-кор. *ri*, др.-кор. **riji* восходит к **pihi* < **pigi*, как это видно по тунгусо-маньчжурскому соответствию **pigi-n* 'дождевая вода; дождь (с ветром), буря', нег. *xiḡin* ~ *xijin* 'вихрь'; уд. *sī* 'буря', ульч. *riw-su(n)* 'порыв урагана' etc., см. (ТМС 2,322). Кор. ~ ТМ сближение см. SKE 200⁶⁹; тюрк. **jag-* к этому корню обычно не привлекалось, но фонетически это сближение вполне достоверно (см. выше, с. 12). 15. "дым": тюрк. **tüt* ~ монг.-письм. *uta-ḡan* < алт. **t'ut* V

(~ **t'üt* V).

Тюрк.: др.-тюрк. *tütün* 'дым', тур. *tütün*, туркм. *tütün*, *tüsse*, хак. *tüdün*, чув. *tödöm*, аз. *tüstü* (< **tüt-sü*) etc. Название "дыма" произведено от глагола, представленного в др.-тюрк. *tüt-*, туркм. *tüte-*, тур. *tüt-*, хак. *tüde* etc. 'дымиться'. См. VEWT 507, ЭСЧЯ 248, EDT 452 (Дж.Клосон считает, что исходная форма глагола *tüte-*, а вариант *tüt-* - вторичен), EDT 457-458.

Монг.: письм.-монг. *uta-ḡan*, калм. *utān* (KW 452), халха-монг. *utā*, юй. *hdaa* (< **uta-ḡa*) 'дым'.

Так же, как и в случае с "водой" (тюрк. *sub* ~ монг. *usu-n*), сближение тюрк. **tüt-* и монг. **uta-* до сих пор не предлагалось из-за различия в структуре корня. Однако вполне вероятно, что **uta-* восходит к более раннему **tuta-* с устранением последовательности *suC-* с двумя одинаковыми согласными (см. подробнее выше, с. 27). В этом случае сближение будет вполне приемлемым. 16. "есть": тюрк. **jē* ~ ТМ **že-*, **že-p-* ~ ср.-кор. **čā-,čā-si-* < алт. **žē-*.

Тюрк.: др.-тюрк., ср.-тюрк. *je-*, тур. *jä-*, аз. *je-*, туркм. *ī-*, каз. *že-*, хак. *či-*, як. *siä-*, чув. *ši-* etc. (VEWT 194, EDT 869-870, ЭСЧЯ 213).

ТМ: эвенк. *žeb-* ~ *žep-* 'есть', сол. *žeb-/p-*, нег. *žew-* ~ *žep-*, ороч. *žep-te- id.*, уд. *že-,žep-te-* 'есть', *žekče-* 'намереваться есть'; орок. *dep-*, нан. *žeb-/p-* 'есть', маньчж. *že* 'есть', *že-keḡe* 'сытый', *že-ku* 'хлеб' etc. (ТМС 279-280).

Кор.: ср.-кор. *ča-ta* (без тональной нотации, видимо **čā-ta*, см. КС 411), *čā-sí-tá* (КС 411, ХИ 310). В *čā-sí-* налицо суффикс вежливости *-sí-* (см. [Рамстедт 1951, 167]). Глагол *čā-* 'есть' в ср.-кор. употреблялся в нейтральной и вежливой функциях; корень его при этом не имеет отношения к кор. *ča-* 'спать', вопреки SKE 25 (последний имеет в ср.-кор. форму *čā-*). Ср. также ср.-кор. *čāpso-*, совр. *čāpsu-da* 'есть, кушать', где *čāp-* = ТМ **že-p-*.

См. [Porre 1960, 106] (Поппе привлекает, кроме тюрк. и ТМ, также

монгольские формы, по-видимому, тюркского происхождения), [Дмитриева 1979, 176-177]. Корейская и ТМ формы сопоставлены в Martin 1966,231 ⁷⁰. Ср. далее МССНЯ,340: ностр. *zeGV 'есть' [алт. *žē (тюрк. ~ ТМ) сопоставляется с и.-е. *seH- 'сытый', урал. *sē/γ/e 'есть', картв. *зeγ-/*зγ- 'насыщаться']. 17. "жечь": тюрк. *jak- ~ ТМ *deg-že- ~ *žeg-de ~ ср.-кор. thǎ-
< алт. *dakV.

Тюрк.: др.-тюрк. jaq-tur- 'зажигать', чаг., тур., туркм. etc. jak-, каз., тат. žak- 'жечь, зажигать'. Сюда же относится чаг. jaγ-du, тат. jak-ti, чув. śudǎ 'светлый, свет'. См. VEWT 180; EDT 897,900; ЭСЧЯ 22. Тюрк. *jak- часто определяют как переходную пару к *ja-n- 'гореть', однако следует отметить, что суффикс *-k- в тюркском никогда не имеет переходного значения (см., например, [Щербак 1981, 151], ДТС 660, EDT XLVI), поэтому основу *jak- нужно признать нечленимой.

ТМ: эвенк. žegde-, нег. žegde-, ороц. žegde, ульч. žegde-, орок. deγde-, нан. žegde- 'гореть'; эвенк. žegdī-, нег. žegdī-, ороц. žegdi-, ульч. žegdi-, нан. žegži-, маньчж. dejži- 'жечь', (ТМС 281-282). Для ПТМ следует восстанавливать *deg-že- ~ *žeg-de- 'гореть' (причем исходной формой следует считать *deg-že-, поскольку в составе этой формы вычленяется аффикс несовершенности *-žā-/*-že-, см. Benzing 1955, 1066) и производную основу *deg-že-gi- (~ *žeg-de-gi-) 'жечь' (с суффиксом каузатива *-gi-, см. [Benzing 1955, 1070]). Собственно корневым элементом в ПТМ нужно считать *deg- (= тюрк. *jak-).

Кор.: ср.-кор. thǎ- 'гореть', thǎio- 'жечь' (КС 456-457). Форма thǎ- представляет собой редукцию *tǎhǎ-, ср. другую производную ср.-кор. форму tǎhi- 'разводить огонь в очаге, растапливать' (КС 133).

Японскую параллель см. ниже (с. 85).

Г.Рамстедт (SKE 278) сравнивает кор. thǎ- с ТМ *toga 'огонь', что вряд ли оправдано (как фонетически, так и семантически более надежным представляется предложенное выше сближение). Ср. еще [Martin 1966,277] (кор. ~ тюрк.).

Алтайскую форму *dakV, по-видимому, следует непосредственно сопоставлять с и.-е. *dheg^uh- 'жечь, гореть' (см. WP I, 849)⁷¹. 18. "звезда": тюрк. *jul-du-ǰ ~ ср.-монг. ho-dun ~ ср.-кор.

pjǎr(h) < алт. *p'iuil'V ⁷²

Монг.: ср.-монг. hodun (XI 60), письм.-монг. odun, калм. odn (KW 283), халха-монг. od, дун. hodun, бао. hotun, даг. xod, юй. hodǎn, монгол. fōDi (DM 99). Монг. ho-dun закономерно восходит к *hol-dun с утратой сонорного перед

суффиксом -dun.

Тюрк.: др.-уйг. *julduz*, туркм. *juldiz*, тур. *jıldız*, каз. *žulduz*, як. *sulus*, чув. *śöldör* etc. См. VEWT 210, EDT 922-923, ЭСЧЯ 206.

Кор.: ср.-кор. *pjēr(h)* (ХМ 151) 'звезда'.

Тюрк. и монг. формы совпадают вплоть до суффиксального **du* (**p' iül'-du-*). Японскую параллель см. ниже (с. 86).

О переходе *p' i-* > тюрк. **j-* см. выше, с. 12. См. [Martin 1966,243] (кор. ~ монг.), [Pelliot 1944, 100] (тюрк. ~ монг.). Г.Рамстедт (SKE 196) связывает кор. *pjəl* с ТМ **rial*'молния' (см. ТМС 2,320), но последнее имеет более надежную параллель в тюрк. **jal-/jal'-* (см. выше, с. 12). Следует, конечно, отвергнуть сопоставление Д.Синора (Sinor 1973,393-394) монг. *hodun* с ТМ **xōsī-hta*, и, далее, с урал. **künsV* 'звезда' (монг. *h-* никогда не восходит к велярным). Взаимосвязь разобранных выше монг., тюрк. и кор. (а также японской, о чем см. ниже) основ обсуждается также в [Miller 1971, 145-146]). 19. "змея": ср.-монг., монг.-письм. *moγai* ~ ТМ **mūkū*

< алт. **mūk'V*.

Монг.: ср.-монг. *moγai* (= **moGai*) (ХИ 76), монг.-письм. *moγai*, калм. *moγā*, *moγā* (KW 263), халха-монг. *mogoī*, дун. *moγūi*, бао. *moGai*, даг. *mogw*, юй. *movūi*, монгол. *ᠮᠣᠭᠠᠢ* (DM 244).

ТМ: нег. *mīxi*, ороч. *mīki*, ульч. *muī*, орок. *muī* ~ *mujūi* ('змея, червь'), нан. *mujki*, маньчж. *mejxe*, чжурчж. *mêi-hēi*. См. ТМС 1,537-538 (где этот корень ошибочно объединен с ПТМ **mirkü-* 'ползти' = монг.-письм. *mölkü-*), там же монг. ~ ТМ.

Из корейского к данному корню следует привлекать совр. *mək-kuri* 'большая черная змея' (*kuri* 'змея'); этимология Г.Рамстедта (SKE 145) *mək-* от синокор. *mək* (ср.-кит. *mlk*) 'чернила' маловероятна⁷³. 20. "зола": ср.-монг. *hünesü* ~ ТМ **puñle-* (/ **pulñe*) < алт.

**pülñe* (~ **p' -*).

Монг.: ср.-монг. *hüne-sü* (ЮЧ), монг.-письм. *ünü-sün* ~ *üne-sü* (KW 458), калм. *ümsn*, халха-монг. *üns*, дун. *funiäsun*, бао. *homsuṅ*, даг. *xuns*, юй. *henesən*, монгол. *funiēdzę* (DM 107).

ТМ: эвенк. *hule-ptēn*, сол. *ulu-ktē*, нег. *xulēptēn*, ороч. *xule-pte*, уд. *xule-pte* ~ *xune-kte*, ульч. *pune-kte(n-)*, орок. *pune-kte(n-)*, нан. *puñe-ktē*, маньчж. *fule-ṅgi*, чжурчж. *fūh-léh-kīh* (ТМС 2,347). Колебание *-l/-n-* (*-ñ-*) в корне, по-видимому, указывает на исходное сочетание типа **-lñ-* (или **-ñl-*).

Ср. также кор. *rujətha* (орф. *rujəh-ta*), *ruit-hada* (орф. *ru-i-s-*), *rojatha* (орф. *rojah-ta*) 'серый, сероватый, пепельный' (< **ruí-* ~ **rií-*; кор. > маньчж. *fujan* 'желтоватый', см. SKE 204).

Если алтайскую праформу восстанавливать в виде **p(ʷ)ülhé* (с упрощением сочетания -*lʷ-* в монгольском и корейском), то ср. и.-е. **pel(en)-* 'зола, пепел' (слав. **ререль*, др.-прусс. *relanne*, лит. *relenaĩ* и т.д., см. ЭСРЯ 3,234; WP 2,60,680). 21. "имя": ср.-монг., монг.-письм. *pere* ~ ср.-кор. *irhú-m*

(< **nirhu-m*) < алт. **närV*.

Монг.: ср.-монг. *pere* (ХИ 78), монг.-письм. *pere*, калм. *per^o* (KW 275), халха-монг. *per*, дун. *niəᠭə*, бао. *paᠭə*, даг. *пəᠭ*, юй. *pere*, монгол. *niere* (DM 273).

Кор.: ср.-кор. *irhúm* (ХМ 214; КС 406) 'имя'. Морфологически *irhúm* выглядит как производное от глагола **ir(h)ú-* ~ **ir(h)ó-*, однако такая форма в среднекорейском отсутствует. Зато весьма распространен глагол *niró-* ~ *nirǎ-* ~ *nirì-* 'называть; говорить, поведать' (совр. *iri-da*), см. КС 120, 121, 124-125, ХМ 346. По-видимому, в ср.-кор. *irhúm* мы имеем случай раннего отпадения анлаутного *n-* перед *i*, наблюдающегося в этой позиции еще в ряде случаев, ср. сркор. *nir-tá* ~ *ir-tá* 'вставать, подниматься; становиться' (КС 124,406), кауз. *nirǔi-tá* ~ *irú-tá* 'образовывать, составлять; создавать' (КС 125,405) и под. Таким образом, для протокорейского с большой надежностью можно восстанавливать форму **nir(h)ú-m* 'имя'.

Из других алтайских языков тот же корень обнаруживается, по-видимому, в тюрк. **jar-* 'повеление, извещение, объявление; объявлять, сообщать'. Ср. кирг. *žar* 'клич; извещение, объявление', каз. *žar* 'сообщение, приказ', як. *saᠭ* и др. В др.-тюрк. засвидетельствовано только производное *jar-liḡ* 'повеление, приказ, предписание' (и производный глагол *jar-liḡ-a-* 'приказывать, издавать указ'), широко представленное и в современных языках⁷⁴. См. VEWT 188-189, EDT 966-967 (Дж.Клосон считает, что *jarliḡ* - заимствование из неизвестного источника, однако не упоминает про современные тюркские формы, отражающие общетюркскую производящую основу **jar-*). 22. "камень": тюрк. **dāl'* ~ монг.-письм. *čila-gun* ~ ТМ **žola* ~

ср.-кор. *tōr(h)* < алт. **tiōl'a*.

Тюрк.: др.-тюрк., тур., кум., тат. etc. *taš*, туркм. *āš*, аз. *daš*, тув. *daš*, як. *tās*, чув. *čol* etc (VEWT 466, ЭСТЯ 3, 167-169, EDT 557, ЭСЧЯ 326).

Монг.: ср.-монг. *čilaʔun* (ХИ 47), монг.-письм. *čilaᠭun*, калм. *tšölün* (KW 444),

халха-монг. *čulū*, юй. *tšəluu*, даг. *tšoloo* 'камень' (< прото-монг. **tīlayun*).

ТМ: эвенк., сол., нег., орооч., уд., ульч., орок., нан. *žolo*, эвен. *žol* 'камень' (ТМС 1,263).

Кор.: др.-кор. /*tōr*/ (КЧС 161), ср.-кор. *tōr(h)* (ХМ 157, КС 159).

Японскую параллель см. ниже (с. 87).

См. VEWT 466 (тюрк. ~ монг. ~ кор.); [Владимирцов 1929] (тюрк.~ монг.); SKE 272 (кор. ~ ТМ); [Рорре 1960,77] (тюрк. ~ монг. ~ кор.; Поппе считает, что ТМ формы заимствованы из монгольского, что вряд ли возможно); [Martin 1966,243]; [Miller 1971,97-98, 120].

См. далее МССНЯ,343 (ностр. **tʰaj/IV* 'камень'), где алтайские формы сравниваются с картв. **tʰal-* 'кремень'.

23. "кора"

а) монг.-письм. *köri-sün* ~ ТМ **xura-hta* < алт. **k'or/e/*.

Монг.: монг.-письм. *köri-sün*, калм. *körsn* (KW 240), халха-монг. *xörs* etc.

ТМ: эвен. *črtə* 'кора, короста'; уд. *wa-hta* 'кора', ульч. *χога-qta* ~ *χүга-χта* 'кора (дерева); орок. *χүга-qta* 'кора' (хвойных деревьев); нан. *χога-qta* 'кора, корка, скорлупа; панцирь (черепахи)'; маньчж. *иги-ха* 'оболочка, кожаца, перепонка' (ТМС 2,282). Формально ТМ **xura-hta* произведено от **хуга-*: эвен. *үга-* 'крыть корой', орок. *χүга-la-* 'обдирать кору; крыть корой'.

Сюда же, вероятно, следует относить ср.-кор. *kür* 'устрица' (< 'раковина') (КС 62, ХМ 189)⁷⁵.

Поппе [Рорре 1960,80] сравнивает ТМ формы с монг. *үга-ša* 'берестяная хижина', но это невозможно ввиду надежной реконструкции **x-* (< **k'-*) в ТМ.

В.М.Илич-Свитыч (ОСНЯ 1,341-343) сближает монг. *köri-sün* с ТМ **xere-hte* 'кожа' (ТМС 2,467) и др.-уйг. *qāz* 'кора (дерева)'⁷⁶, с вопросом привлекая также ТМ **xura-hta*. Ясно, что речь идет на самом деле о двух алтайских (и ностратических) корнях: 1) алт. **k'or/e/* (разобрано выше) ~ урал. **kōre*; 2) алт. **k'arV* (ТМ **xere-hte*, тюрк. **Kař⁷⁷*) ~ и.-е. **ker-* ~ урал. **kere-*. К какому из этих двух корней относятся сем.хам. **qr(m)* и картв. **ker-*, следует еще выяснить.

б) тюрк. **kāruk* ~ монг.-письм. *qau-da-sun* ~ ср.-кор. *kārhīr* ~ *kərhīr* < алт. **k(̣)ār'ī*.

Тюрк.: чаг. *qarıq*, туркм. *qābīq*, тур. *kabuk*, аз. *qabıq*, чув. *хобă* 'кора, скорлупа' etc. Слово очень широко представлено в современных языках (см. ЭСЧЯ

305, VEWT 234-256; отметим, однако, что некоторые формы, приводимые М.Рясяненом: хак. х̄о̄х 'шелуха от зерна', башк. qawaq 'оболочка, шелуха' и др. восходят к *kabiq, ср. др.-уйг. qaviq, qavuc 'отруби', и к рассматриваемой основе отношения не имеют; зато к материалу, приводимому в VEWT, следует добавить еще хак. kakras (<*kark-as) и, видимо, уйг. qowzaq 'кора', см. [Дмитриева 1979, 181]). Наличие рефлекса *k̄arik также и в чувашском веский аргумент в пользу общетюркского характера этого слова, поэтому, несмотря на отсутствие его в древних памятниках, вряд ли следует считать его поздним уменьшительным образованием от *k̄ar 'бурдюк' (EDT 665) или производным от глагола 'покрывать' (ЭСЧЯ 305, VEWT 234: у Рясянена неверная реконструкция *k̄ar'покрывать'; правильное восстановление *k̄ar- см. ОСНЯ 1, 337; [Щербак 1970, 194]; EDT 580).

Монг.: монг.-письм. qau-da-sun, калм. х̄ūd^asn 'кора (деревьев)' (KW 201). Монгольская основа является производной от *qau- ~ *qayu-, ср. еще монг.-письм. qayu-, халха-монг. х̄ūl- 'обдирать, снимать кожу'⁷⁸, монгол. х̄ūli- id. (DM 180).

Кор.: ср.-кор. k̄erhi ~ k̄erhiŋ ~ k̄erh̄ar ~ k̄erhiŋ 'кожура, кора, оболочка' (КС 8,36, ХМ 255), и производные k̄er-ŋiŋ 'кора, кожура, скорлупа' (КС 38-39), k̄er-ŋi-un 'кожа на спине' (КС 38).

Японскую параллель см. ниже, с. 87-88.

См. [Владимирцев 1929, 209, 255], KW 201 (тюрк. ~ монг.); [Martin 1966, 225] (кор. ~ тюрк.). 24. "корень": монг.-письм. ündü-sün ~ ТМ *ṅṅ(k)te < алт.

*ṅṅte

Монг.: монг.-письм. ündü-sün, калм. ündüsn (KW458), халха-монг. ündes, даг. undus.

ТМ: эвенк. ṅṅte, эвен. ṅṅtə, нег. niṅte ~ ṅṅte, ороч. ṅṅte, уд. ṅṅte, ульч. ṅṅikte ~ muikte, орок. muikte, нан. muikte (диал. ṅṅikte) (ТМС 1,662).

Сближение, насколько нам известно, ранее не предлагалось, хотя соответствия вполне регулярны (с учетом развития *ṅ > 0- в монгольском, см. выше, с. 18). Японскую параллель см. ниже, с. 88). 25. "кость": монг.-письм. ja-sun (< *p'ian-sun) ~ ср.-кор.

s-pjə < алт. *p'ieŋV (~ *p'eŋiV).

Монг.: ср.-монг. ja-sun (ХИ 110), монг.-письм. jasun, калм. jasn (KW 217), халха-монг. jas, дунс. iasun, бао. iasun, даг. jas, юй. jasən, монгол. yäse (DM 490) 'кость'. Монг. ja-sun регулярно восходит к *jan-sun с утратой сонанта перед суффиксом -sun; ср. калм. jan-d^a-y^ar- 'костистый', jandā 'быть костистым' (KW 214). О

переходе *p'í- > монг. j- см. выше, с. 12-13.

Кор.: ср.-кор. spjə (ХМ 206; КС 258). Написание spv среднекорейском отражает, по-видимому, геминацию начального согласного (ср. совр. ppjə), причины которой пока еще не вполне ясны⁷⁹. В остальном развитие -pjə < *p' eíV регулярно, см. выше, с. 20.

Этимологии Г.Рамстедта в SKE 195 (сравнение с ТМ *peje 'лоб' или *beje 'мужчина, человек') представляются нам неудачными.

Японскую параллель см. ниже (с. 88).

Из тюркского материала к этому корню с большой вероятностью можно отнести *(j)in-čik (где -čik уменьшительный суффикс): ср. туркм. in-žik 'голень, берцовая кость', тур. inžik 'тонкая кость', чаг. inžük 'голень', карач. inčik 'лодыжка', тоб. jinčik 'голень' (см. VEWT 172,203)⁸⁰.

В тунгусо-маньчжурском рефлекс того же корня обнаруживается в виде *peŋ-ŋe 'колени' (эвенк. heŋŋen, сол. eŋe, эвен. heŋŋən, нег. xeŋŋen, ороч. xeŋŋe ~ heŋŋen, уд. xeŋe, ульч. peŋe(n-), орок. pepe ~ peŋe(n-), нан. peŋŋe~) (ТМС 2,366); [Колесникова 1972^a,331].

Сопоставление перечисленных выше алтайских форм ранее, насколько нам известно, не предпринималось; однако как семантическая, так и фонетическая сторона его вполне удовлетворительны. 26. "красный": ср.-монг. hulaʔan, монг.-письм. ula-yaŋ ~ ТМ

*pula- ~ ср.-кор. pŋk-k- < алт. *p(ʼ)üla.

Монг.: ср.-монг. hulaʔan (ХИ 61), монг.-письм. ulayaŋ, калм. ulān (KW 448), халха-монг. ulān, дунс. xulaŋ, бао. fulaŋ, даг. хулаан, юй. ʔaan, монгол. fulān (DM 105). Корнем является *hula- (ср. монг.-письм. ula-ji- 'быть красным', ula-lʒa- 'краснеть' etc.).

ТМ: эвенк. hula-ma, hula-gŋn, сол. ulā~, ɯlari~; эвен. hula-ŋā; нег. хола-jin; уд. хула-ligi; нан. fol-gā; маньчж. ful(a)χun 'красноватый', ful-ǰan 'красный'. См. ТМС 2,343-344. Некоторые формы (в частности, нанайские и маньчжурские) могут в принципе быть старыми монголизмами (хотя это сомнительно), но для ПТМ в целом это маловероятно.

Кор.: ср.-кор. pŋk-ta (КС 274, ХМ 279) 'красный'.

См. [Владимирцов 1929, 267] (монг. ~ ТМ); (KW 448); [Porre 1960,74, 100, 120] (монг. ~ ТМ ~ кор.⁸¹); [Петрова-Бугаева 1971]. Связь рассматриваемого корня с алтайским названием "огня" (см. ниже) [Ramstedt 1928; Петрова-Бугаева 1971]

находится под вопросом, хотя и не исключена. 27. "круглый": тюрк. *tä(η)gir-/*dä(η)kir- ~ монг. tögürig

~ ТМ *toŋol- ~ ср.-кор. toŋkor- < алт. *t'öŋkV
(~ *töŋk'V).

Тюрк.: др.-тюрк. tegir-mi, tegir-me, аз. дәјіrmі, тур. dejirmi. Производящей основой является здесь *tä(η)gir- / *dä(η)kir- 'вращаться, кружиться', ср. чув. tavāg-, тат. tägägä-, як. tägiḡ- etc., др.-тюрк. tegirä 'вокруг, кругом', tegir-män 'мельница' и пр. Ср. также. турк. tegelek 'круглый' (хотя последнее может быть и монголизмом, ср. монг.-письм. tögelig 'круг?'). Формы со срединным носовым сохраняются в турецких диалектах, ср. teŋer-mek 'катиться', teŋir-šek 'круг, круглый' (см. ЭСТЯ 3, 173). См. (VEWT 469; ЭСТЯ 3, 172-173, 178-179, EDT 485-486, ЭСЧЯ 227-228).

От перечисленных форм трудно отделить корни *tok- (~ *dok-) и *töŋ(g)- (~ *d-) с теми же значениями, широко распространенные в современных тюркских языках, и по-видимому, представляющие собой экспрессивные варианты одного и того же корня (характерно наличие в них лабиализованного корневого гласного по-видимому, архаичная черта, ср. внешние данные): ног. toḡin 'обод', тат. dugim, чув. togām, 'обод', чаг. toḡ-lak 'округленный', тел. toḡolok, каз. doḡalak, хак. toḡlaḡ 'круглый' (см. также VEWT 483, ЭСЧЯ 256); каз. töŋörök 'круг', töŋgülök 'колесо', тоб. tünäläk 'кольцо' (см. VEWT 492; прочие формы, приведенные там, могут быть монголизмами).

Монг.: ср.-монг. tögöriḡ (ХИ 102), монг.-письм. tögürig, калм. tögögäg (KW 406). Слово также отглагольного происхождения, ср. монг.-письм. tögüri-/tögüre- (калм. tögr-) 'окружать' (KW 406). Вопреки Дж.Клосону [Клосон 1969,39] нет оснований считать монгольское слово тюркизмом (напротив, многочисленные современные формы типа кирг. tögügök 'круглый', см. VEWT 492, не имеющие древнетюркских прототипов, следует считать монголизмами). Как и в тюркском, данный монгольский корень (ввиду своего экспрессивного характера), представлен несколькими вариантами. Кроме перечисленных выше ср. еще монг.-письм. toḡuḡi-, toḡaḡi 'окружать' (KW 408), duḡu-ni-, duḡu-ri- 'кружиться', duḡui 'колесо, круг' (KW 101), döḡürgei, халха-монг. dugarig 'круглый' etc.

ТМ: эвенк. toŋollo 'круг', toŋollo-mo 'круглый'; эвен. toŋəlḡä 'кольцо', toŋār 'петля, окружность'; нег. toŋḡulikḡin 'круглый', toŋolo 'кольцо'; ороц. tuŋe-pke 'кольцо'; уд. toŋo 'петля', орок. toŋolto id. и др. (ТМС 2, 198).

Кор.: ср.-кор. toŋkor- (КС 161, акцентуация неизвестна), совр. toŋgol-da,

tunġil-da 'круглый'.

См. SKE 273,276-277 (ТМ ~ монг. ~ кор.), VEWT 483,492 (тюрк. ~ монг.), [Владимирцов 1929, 276-277] (тюрк. ~ монг.). 28. "кто": тюрк. *ki-m (/ *ke-m) ~ монг. ke-n < алт. *k'e- (/ *k'a-).

Тюрк.: др.-тюрк. kim, туркм., аз. и др. kim, чув. kam, ойр. и др. kām 'кто'. Заднерядным вариантом той же вопросительной основы является тюрк. *ka-, ср. *ka-ŋu 'какой' (др.-тюрк. qaŋu ~ qaŋju, qaŋu, каз. kaj, як. хай etc.), *ka-li 'как, когда', *ka-(n)č 'сколько' etc. См. (VEWT 226,232,271, EDT 589,617,632-633, 720-721, ЭСЧЯ 87).

Монг.: ср.-монг. ken (ХИ 70), монг.-письм. ken, калм. ken (KW 225), халха-монг. хен, дунс. kiэн, бао. кап, даг. хэн, юй. ken, монгол. khän (DM 195) 'кто'. От основы ke- ср. еще монг.-письм. ke-düi 'сколько', ke-mijer 'если, когда' и др. В монгольском представлен и заднерядный вариант того же корня qa(= тюрк. *ka-), ср. монг.-письм. qa-ya 'где', qa-miya 'где, куда', qa-jisi 'куда' etc. (KW 175).

Тот же корень в виде основы вопросительных местоимений *ха- широко представлен в тунгусо-маньчжурских языках. Ср. от *ха-: эвенк. a-bgū 'который', сол. a-yū 'кто', эвен. awçw ~ a-wçy 'который, какой', нег. a-wwç ~ a-wçy 'который, какой', ороц. a-uki id., ульч. ха-wuj 'какой', орок. ха-wwç 'который, какой' и др.; от *ха-j- (> *xia-): эвенк. ê 'что', сол. ī id., эвен. ā 'что делать', ā-q 'что', нег. ê 'что делать', ê-wa 'что', ороц. ja- ~ je- 'что делать', jā-wu 'что', ульч. хāi ~ хай 'что, кто', орок. хай ~ хай id., нан. хай ~ хай id., маньч. aj ~ ja id. и др. (ТМС 1, 14-15,32,56-57,286-288). Основы *ха- и *хай- (~ *xia-) в ТМС разделены, но очевидно, что это варианты одного корня (в ульчском, орокском и нанайском имеются только формы с х-, в прочих языках только формы с 0-, т.е. налицо регулярные рефлексы ПТМ *х-; ульч., нан. и орок. хай соответствуют формам типа ê < *xia ~ *хай других языков). Справедлива, следовательно, группировка основ, принятая в [Цинциус 1949, 138,305], но не в [Benzing 1955, 1062] (а вслед за этим - в ОСНЯ 1,356), и недопустимо (вопреки ТМС 1,5,288) сравнивать ТМ материал с различными основами в других алтайских языках.

Из корейского к данному корню можно привлечь лишь вопросительную частицу ka (ср. еще ср.-кор. -ku- ~ -ko в нуки, ну-ко 'кто')⁸².

См. SKE 80 (кор. ka ~ монг. qa- ~ тюрк. *ka- ~ ТМ *ха-), KW 225 (тюрк. *ke- ~ монг. ke-), [Иллич-Свитыч 1965,342] (монг. qa- ~ ТМ *хай- ~ тюрк. *k'aj-), [Рамстедт 1957, 76-78]⁸³.

См. далее ОСНЯ 1,348,355-356. В.М.Иллич-Свитыч восстанавливает две ностратические формы: *ḱe 'кто' [алт. *k'е- ~ урал. *ke- (основа косвенных падежей)] и *ḱo 'кто' [алт. *k'а-/ *k'о- (к варианту с *-о- привлекается еще ТМ *xōni 'как', см. ТМС 2, 18) - сем.-хам. *k(w)/*q(w) 'кто', и.-е. *k'чо 'кто', *k'чи 'что', урал. *ko/*ku- 'кто'], высказывая, однако, предположение об их взаимосвязи (предполагается урало-алтайское новообразование *ḱe по аналогии с системой указательных местоимений). Не исключено, что следует восстанавливать (уже на алтайском уровне) противопоставление *k'а-, *k'aw - *k'ai (> *k'е) и проецировать это противопоставление на ностратический уровень: *ḱa(w) - *ḱaj, возможно, в качестве противопоставления прямой и косвенной основы. Во всяком случае, этимологическое тождество заднерядного и переднерядного вариантов представляется очевидным. 29. "лист": тюрк. *jaruḡ-gak ~ монг. *lab-čīn ~ ср.-кор.

nír(h) < алт. *liar'V.

Тюрк.: др.-тюрк. jaruḡaq ~ jarıḡaq, чаг., тур. jarḡak, каз., кирг. žarḡak, як. säbirdäx и др. Уже в др.-тюрк. встречается вариант jalbıḡaq (ср. также современные формы тел. d'albrak, кирг. jalbıḡık, каз. jalbirdak), представляющий собой контаминацию *jaruḡ-gak с *jalbı 'плоский', но чув. sólzǎ 'лист' (вопреки ЭСЧЯ 217 и [Miller 1971,209]) вряд ли имеет отношение к какому-либо из этих образований.

Морфологически *jaruḡ-gak представляет собой производное от *jaruḡ- (ср. др.-уйг. jaruḡ- 'делать гладким, выравнивать'); наряду с *jaruḡ-gak существует и *jaruḡ-mak (> тар. jaruḡmak 'лист'), хотя исторически *jar- 'лист' и *jar- 'плоский', вероятно, восходят к разным корням (см. ниже) и налицо, таким образом, контаминация. См. (VEWT 188; EDT 879), а также разбор в [Дмитриева 1979, 157-160].

Монг.: ср.-монг. nabčīn (ХИ 77), калм. naptšī, монг.-письм. nab-či (KW 271-272), халха-монг. navč, дунс. latšīn, бао. labtšyḡ, даг. lartš, юй. labdžəḡ, монгол. laBsdzi (DM 218). Без суффикса -čīn ср. мог. форму nama ~ laba 'лист'.

Кор.: ср.-кор. nír (-ph-) 'лист' (КС 126-127, ХМ 297).

См. [Владимирцов 1929,369] (тюрк. ~ монг.), KW 272 (тюрк. ~ монг.), SKE 160, [Porre 1960,37]. В двух последних источниках корень "лист" объединяется с корнем "плоский", а из среднекорейского привлекается не nír(h) 'лист', но пар-, парčjok 'тонкий и плоский'⁸⁴. То же самое делает и В.М.Иллич-Свитыч в ОСНЯ 2,24-25.

Нужно, вероятно, восстанавливать два алтайских корня:

а) *liar'V 'плоский' (тюрк. *jar-, откуда jaruḡ- 'выравнивать', аз. jarıḡ 'плоский,

приплюснутый', туркм. *jarı* 'склон' и др.; монг.-письм. *naв-ta-ji-* 'быть плоским'; ТМ **lap-ta-* > зап.-эвенк. *lapta-кта* 'гладкий, плоский', в других диалектах *парта-* 'расстилаться, равнина', см. ТМС 1,584, ОСНЯ 2,25; ср.-кор. *пар-* ('плоский'). Этот корень, очевидно, восходит к ностр. *lap* 'V id.(? сем.-хам.*IP- 'плоский, ладонь', и.-е. *Iep- 'ладонь, лапа', урал. *Iappa/*Iapa 'плоский, лапа, лопатка'), см. ОСНЯ 2,23-25, ср. тж. [Долгопольский 1969, 297-298] (ностр. *IaPʈV 'плоский').

b) *Iap 'V 'лист'(см. выше). Ср. к этому корню ностр. *Lop 'V 'ободранная кора', 'растительная пленка' (сем.-хам. *Ip 'содранная кожица', и.-е. *Ieup- ~ *Iep- 'содранная кора, лист', урал. *LopV id.), см. ОСНЯ 2,33-34 (хотя вокализм в этом корне связан с некоторыми проблемами). 30. "маленький": монг. *ücü-gen* ~ ТМ *ηüci < алт. *ηüč'í.

Монг.: ср.-монг. *ücü-gen* (ХИ 107), монг.-письм. *ücüken, ücügen*, калм. *ütsükn, ütsü* (KW 460), халха-монг. *öcüxen*, бао. *džigan*, даг. *utšikəŋ*. Предположение Владимирцова о том, что *ücügen* есть модификация *od-čigin* 'младший сын' [Владимирцов 1929, 420], вряд ли обосновано.

ТМ: эвенк. *nitkūn* (< *nüči-kūn) 'маленький', диал. *nīci, nīci-kūn* 'мало'; сол. *nisxū ~ nisūxū*: 'маленький'; нег. *ñitkūn id.*; ороч. *ηīci* 'маленький, мелкий'; уд. *ñič' a id.*, ульч. *ñüci ~ нуci*, орок. *nüci*, нан. *nüci id.* См. ТМС 1,589-590 (объединено с основами *nikā- и *nid(u)-, которые, по-видимому, следует отделять от рассматриваемого корня).

Это одно из сопоставлений (ранее не предлагавшихся), на которых базируется реконструкция анлаутного *η- (см. выше, с. 17-18). 31. "нога" ("foot"): ТМ *palga-n ~ ср.-кор. *pár* < алт.

*pal'kV.

ТМ: эвенк. *halgan*, сол. *alųã*, эвен. *halgəŋ*, нег. *xalgan*, ороч. *хага*, уд. *хага*, ульч. *palža(n-)*, нан. *palgã* (ТМС 2,312); [Колесникова 1972^a, 320] (о маньчж. *falaŋgu* 'ладонь' см. ниже).

Кор.: ср.-кор. *pár* (КС 245, ХМ 207), др.-кор. 3513 *phwât = /par/*.

Японскую параллель см. ниже (с. 91-92).

Из тюркского материала можно привлечь тюрк. *bal'-мак 'вид обуви' (др.-тюрк. *bašmaq ~ bašaḡ*, туркм., тат. *bašmaq*, аз. *bašmaq*, тур. *bašmak* etc.) (VEWT 65, ЭСТЯ 2,93-95, EDT 382-383, ОСНЯ 3,68-69⁸⁵). Ср. еще, может быть, тюрк. *balak 'щиколотка, стопа', 'штанина' (ЭСТЯ 2,51-52, VEWT 59).

См. SKE 184-185 (кор. ~ ТМ). Далее см. подробный разбор в ОСНЯ 3,66-70.

Однако привлекаемые там монгольские формы (монг.-письм. alqu- 'шагать', alqu 'шаг', ср.-монг. alqu etc.) все же нужно отделять (ввиду отсутствия здесь анлаутного h-<*p-).

На основании сравнения алтайских форм с картв. *perq-/*berq'нога, ступня, шаг', урал. *p/ä/l'kä 'нога (foot)' восстанавливается ностр. *pal'qV 'ступня'. 32. "нос": монг. *qaŋ~ ТМ *хоŋа ~ ср.-кор. kó(h-) < алт.

*k' /u/aŋa.

Монг.: ср.-монг. qabar (ХИ 85), монг.-письм. qabar ~ qamaŋ, калм. хамг (KW 164), халха-монг. хатаг, дунс. qawa, бао. хог, даг. хатэг, юй. хатар, монгор. хатар (DM 165) 'нос'. Данная основа, по всей видимости, восходит к *qaŋ-ba-r- (что объясняет колебание -b-/-m- в инлауте); ср. еще корень qaŋ- в монг.-письм. qaŋsiyar, qoŋsijaŋ 'клюв, нос', также (с выпадением -ŋ-) в ср.-монг. qoŋiŋun, монг.-письм. qosiŋu(n) id. От того же корня образован глагол монг.-письм. qaŋ-qul- ~ qaŋyul- 'пахнуть, нюхать'. Из монгольского заимствованы некоторые тюркские формы [в частности, як. хӕŋsār 'нос', тув. каŋŋar 'носовой хрящ', см. VEWT 232, а также маньчж. qaŋsari, эвенк. (через якутское посредство) koŋsō, см. ТМС 1,413] (вопреки Владимирцову [Владимирцов 1929,251] и Поппе [Porre 1960, 96], объединяющим маньчжурские и монгольские формы генетически).

ТМ: эвенк. oŋo 'нос' (лодки), oŋokto 'нос, ноздря'; сол. onokto 'нос', эвен. oŋət id., нег. oŋo 'нос (лодки)', oŋokto 'нос (человека. животного)'; ульч. хоŋqо 'нос' (лодки), 'мыс'; нан. хōŋqо id. (> маньчж. хоŋqо 'нос', 'мыс'), хоŋ-daха 'переносица'; маньчж. oŋyо-ŋon 'тупорылый карась' (ТМС 1,470; 2,22).

Кор.: ср.-кор. kó (kóh-) (КС 45, ХМ 202), совр. kho 'нос'.

Из тюркского материала следует привлечь тел. koŋir 'седло носа', kaŋirik 'переносица', як. хаŋir, хоŋirgū id., с.-юг. kaŋirik ~ karik ~ karik 'нос, ноздря' (см. VEWT 232; эти формы, в отличие от прочих приведенных там же, вряд ли можно считать монголизмами). Из древнетюркского, ср., может быть, qova (< *qоŋа?) у Махмуда Кашгарского 'ремень в узде, идущий по носу'. Семантически не вполне ясны др.-тюрк. qaŋraq 'небо', qoŋraŋu 'сосцевидный отросток височной кости' (все только у Махмуда Кашгарского).

См. [Владимирцов 1929,251; Porre 1960,96] (тюрк. ~ монг.; о маньчж. см. выше), KW 190 (монг. qо-siyu ~ кор.), PKE 100 (монг. qosiŋun ~ кор. ~ тюрк. qova), [Иллич-Свитыч 1965,343] (ТМ *хоŋо- ~ монг. ~ тюрк.), [Колесникова 1972^a, 283-4] (монг. ~ ТМ). В (SKE 134) кор. kho сравнивается с маньчж. ofogo 'нос', что

сомнительно. Подробный разбор алтайских форм, включая японские⁸⁶ (но без ТМ!) см. [Miller-Street 1975, 36]. 33. "не": монг. е- ~ ТМ *е- < алт. *е-.

Монг.: монг.-письм. ese 'отрицание при глагольных формах' (наряду с ülü); в качестве корня выделяется е-, ср. е-düi 'еще не' и др. (см. KW 128).

ТМ: эвенк., сол., эвен., нег., орооч., уд., орок. евспомогательный отрицательный глагол; ульч. -а-si- ~ -е-sicuффикс отрицания; нан. -а-si- ~ -е-si- (през.), -а-ĉi- ~ -еĉi- (прет.) id. (ТМС 2,432).

См. (KW 128), [Porre 1960,65]. Ср. также ОСНЯ 1, 17 (где алтайская форма сопоставляется с формантами и частицами отрицания: урал. *е-, драв. -а/-е-, сем.-хам. *ʔ). 34. "перо": тюрк. *jüg ~ ТМ *dek-te < алт. *d/i/gu.

Тюрк.: др.-тюрк. (ДТС) jük, (EDT) jüg 'перо', качатат. jü, хак., тув. ĉüg. Дж.Клосон (EDT 910) аргументированно показывает, что это - старое название "пера", в современных языках вторично вытесненное либо основой *tük (/tüg), означавшей первоначально "волосы тела", либо основой *jüŋ, означавшей первоначально "шерсть".

ТМ: эвенк. dekte-nne, сол. dette-le, эвен. det-le, нег. dete-le, орооч. dekte(se), уд. dekte'e, ульч. dekte-kte, орок. dekte-kte, нан. dekte-ne, маньчж. detxe 'перо' (ТМС 1,231). В ТМ основа *dek-te 'перо', по-видимому, подверглась влиянию со стороны глагола *deg- 'лететь', имеющего иную этимологию⁸⁷.

Из монгольского к данному корню следует привлечь ср.-монг. žižür (ХИ 67), монг.-письм. žigür ~ žiber 'крыло' (с регулярным развитием ži- < *di-).

За исключением некоторых колебаний в вокализме (объясняемых позднейшими контаминациями), соответствия вполне регулярны и данное сближение в целом представляется вполне надежным. 35. "печень": тюрк. *bagir ~ ТМ *pākin < алт. *pāk'ī-.

Тюрк.: др.-тюрк. bağır, туркм., аз. bağır, як. biar, каз., баш. bawur, тур. bağır, хак. pāğ, чув. pōver etc. (VEWT 55; ЭСТЯ 2, 17-20; EDT 317; ЭСЧЯ 155).

ТМ: эвенк. hākin, сол. āxī, эвен. hāqəŋ, нег. хāxīŋ, орооч. хāki(n-), уд. х'ai(n-), ульч. pā, орок. pāya ~ pāqa, нан. pā, маньчж. faхun. См. (ТМС 2,310); [Колесникова 1972^a,305].

См. [Kotwicz 1939,96], ЭСТЯ 2, 19. Прочие этимологии [тюрк. *bagir - монг. bagir 'мягкий, хрупкий' (KW 38); ТМ - к кор. khoŋ-phat 'почки' (SKE 213)] следует признать неудачными.

36. "пить": ТМ *umi~ ср.-кор. mà-sí< алт. *ümi-.

ТМ: эвенк. um-; сол. emu-, ime-, imi-; нег. om-; ороч. imi-, umi-; уд. umi-; ульч. umi-; орок. umi-; нан. omi-; маньчж. omi- (ТМС 2,266).

Кор.: ср.-кор. mà-sí-tá (КС 193; ХМ 318) 'пить'. В кор. -sí - суффикс вежливости (как в cǎ-sí-tá 'есть', см. выше); корень mà- восходит к *umà- с нормальной для корейского редукцией анлаутного гласного перед лабиальным (см. ниже, "рог", "рот" и др.). Г.Рамстедт (РКЕ 108) возводит masi-ta к mas 'вкус', что очень сомнительно.

Из монгольского материала к этому корню следует привлечь монг.-письм. um-da, un-da, калм. undA, undn 'жажда; напиток'(KW 449), монгор. nDa-sE- (= монг.-письм. umda-γas-, umda-s-) 'испытывать жажду' (DM 262).

См. (KW 449), [Porre 1960,69] (монг. ~ ТМ); корейский материал к этому корню ранее не привлекался. Р.А.Миллер пытается объединить в один корень алт. *üm- и *lüm- (последний > яп. пом- 'пить') [Miller 1971, 108-109], но это вряд ли оправдано. 37. "полный": тюрк. *döl- ~ ТМ *žalu < алт. *čölu-.

Тюрк.: др.-тюрк. tol- 'наполняться', tolī ~ tolu 'полный', туркм. döl-, тур., аз. dol-, тув. dol-, кирг., каз. tol-, чув. tol- 'наполняться', як. tuol- id.; туркм. dölī, тур., аз. dolu, кирг., як. tolu etc. 'полный'. Имеется также вариант *döl-, отраженный в др.-уйг. toš-, уйг. диал. toš-'наполнять'. См. VEWT 486, ЭСТЯ 3,257-259, ЭСЧЯ 256,257, EDT 491⁸⁸. Из тюркского заимствовано эвен. tolī 'полный' и некоторые другие разрозненные ТМ формы (см. ТМС 2, 195).

ТМ: эвенк. žalu-m, сол. žalū, нег. žalūm, ороч. žalum, ульч. žalūm, орок. dalum-ži, нан. žalo-qrī, маньчж. žalu 'полный'. Производящая основа представлена в ТМ *žalu-'наполнять(ся)': эвенк. žalu-p-, сол. žalū-, эвен. žalū-(наесться), нег. žalū-p-, ороч. žalu- (перех.), žalu-p-(неперех.), ульч. žal-pu-, орок. dalu-p-tu-, нан. žalo-p-, маньчж. žalu- (ТМС 1,247).

К этому же корню следует отнести ср.-кор. čàgà-'быть достаточным' (КС 412)⁸⁹.

Данная этимология основывается на соответствии тюрк. *d- : ТМ *ž- : кор. č- (< алт. *č-), см. выше, с. 13-14. В результате отпадает необходимость в некоторых довольно натянутых старых этимологиях (а именно, в соотнесении ТМ *žalu-'полный, наполнять' с *žalan 'сустав' и монг.-письм. žalγa-'удлинять, добавлять', см. [Porre 1960,28]; в соотнесении тюрк. *döl- с ТМ *dili 'голова, вершина', см. [Долгопольский 1972,360]). 38. "рог": монг. eber ~ ср.-кор. s-pŋ < алт. *ep'VrV.

Монг.: ср.-монг. eber (ХИ 52), монг.-письм. eber, халха-монг. ever, калм. ewr ~ öwr (KW 129), бао. uer, юй. ewer, даг. хәур (с вторичным х-), монгол. ууег (DM 480).

Кор.: ср.-кор. s-pŕg (КС 274; ХМ 308) 'рог'.

В корейском налицо редукция анлаутного гласного перед лабиальным согласным (см. выше "пить" и др.) и усиление анлаутного р- > s-p- (ср. выше "кость" и др.).

С данным монгольско-корейским корнем вполне согласуется фонетически (но несколько хуже семантически) локальный южно-ТМ корень *орога : нан. орого ~ ofogo 'нос', маньчж. ofogo 'нос; мыс (горы); вершина' (см. ТМС 2,22), вытеснивший в этих языках обще-ТМ корень *хоҗа (см. выше, с. 41-42).

См. SKE 209 (альтернативное и приведенное там же сравнение кор. pŕg, ср.-кор. spŕg с тюрк. *sübrī 'острый' и пр. кажется менее вероятным). 39. "рот": монг. аман ~ ТМ *am-җа < алт. *am/a/-.

Монг.: ср.-монг. ама-п (ХИ 35), монг.-письм. аман, калм. amn (KW 9), халха-монг. ам, дун. аман, бао. аман, даг. ам, юй. аман, монгол. ама (DM 5).

ТМ: эвенк. амҗа, сол. амта, эвен. амҗә, нег. амҗа, ороch. амта, уд. аҗта, ульч. аҗта, орок. амҗа ~ аҗта, нан. аҗта ~ амҗа, маньчж. аҗга. См. ТМС 1,39.

Из тюркского материала сюда относят тюрк. *am 'vulva, pudenda muliebrīa' (рефлексы см. в VEWT 18, EDT 155), но семантически это довольно сомнительно.

См. [Porre 1960,40,68] (тюрк. ~ монг. ~ ТМ); [Колесникова 1972,73-77] (монг. ~ ТМ; с сомнением также тюрк.), [Колесникова 1972^a,288-289].

В ряде старых производных этот корень имеет значение 'пробовать на вкус; вкус', ср. монг.-письм. аму, аму-sun 'название кушанья', а также:

а) монг.-письм. аmsa- 'пробовать на вкус' (KW 10), ср.-монг. аmsa- id. (ХИ 35) (тюркские заимствования см. VEWT 19; из монг. также, видимо, маньчж. аmsu-la- 'отведывать, вкушать') ~ ср.-кор. más (КС 203, ХМ 316) 'вкус' < алт. *am(a)sa⁹⁰.

б) монг.-письм. амта-п, амта-рал и др. 'вкус' (тюркские заимствования см. VEWT 19) ~ ТМ *am-ta 'вкус, пробовать на вкус' (рефлексы см. ТМС 1,39) < алт. *am(a)t'a-, см. [Porre 1960,68] (монг. ~ ТМ; там же указание на то, что данное образование производно от корня "рот")⁹¹.

Рассмотренный корень следует четко отделять от алт. *аҗ/a/ 'дыра, щель' (тюрк. *аҗ-/*әҗ- 'быть широко открытым', см. VEWT 21; монг.-письм. аҗ 'дыра, щель', аҗа- 'открывать рот' и др., см. KW 11, ТМ *аҗа 'щель; дыра; открывать, разевать', см. ТМС 1,45; др.-яп. апа, RJ ànà 'дыра'). В.М.Иллич-Свитыч (ОСНЯ

1,244-245) объединяет эти корни, восстанавливая о.-алт. *aŋta 'рот' и считая его производным от *aŋ-. Нам, однако, представляется более надежной реконструкция *am/a/ (особенно ввиду наличия разобранных выше производных *am(a)sa, *am(a)-ta, и ввиду того, что в ПТМ - вопреки [Benzing 1955,986] - следует все же восстанавливать не *aŋta, но *am-ŋa). Соответственно, ставится под сомнение связь разобранных алтайских форм с урал. *aŋa/ōŋe 'рот, разевать рот' (хотя в уральском не исключена и контаминация двух корней), предполагаемая в ОСНЯ 1,244-245 и [Sinor 1974,254]. 40. "рука" (hand): тюрк. *äl, *äl-ig ~ ТМ *ŋāla < алт.

*ŋālā.

Тюрк.: др.-тюрк. el, el-ig, туркм., тур. el, аз. äl, як. eġ, ilġ, чув. ală etc., см. (VEWT 39, ЭСТЯ 1,260-261, EDT 140-141, ЭСЧЯ 24).

ТМ: эвенк. ŋāle, сол. nāla, эвен. ŋāl, нег. ŋāla, ороц. ŋāla, уд., ульч. ŋala, орок., нан. ŋāla, маньчж. ŋala. (ТМС 1,656-657). В корне надежно восстанавливается анлаутный *ŋ- (см. выше, с. 17), поэтому альтернативные этимологии тюркской формы (монг.-письм. el-de- 'обрабатывать', см. KW 119,SKE 57, или монг.-письм. ele-, ilġ- 'ласкать, гладить', см. ЭСТЯ 1,261) следует, скорее всего отвергнуть. Невозможно также (по фонетическим причинам) предлагаемое Владимирцовым [Владимирцов 1929,391] и Поппе [Poppe 1960,24] сближение ТМ *ŋāla с монг.письм. ŋag 'рука', тюрк. qaŋi 'верхняя часть руки'⁹²; см. критику этого сближения в [Колесникова 1972,96; 1972^a,317].

Тюрк. *äl 'рука' (вместе с сомнительными корейскими параллелями, предлагаемыми в SKE 57) В.М.Илич-Свитыч (МССНЯ,362) сравнивает с картв. *qel/*qal- 'рука' (ностр. *qelV). Если учесть реконструкцию *ŋ- в праалтайском, не вполне ясным становится здесь соотношение начальных согласных (хотя рефлекс анлаутного *ŋ- в ностратических языках еще нуждаются в уточнении). 41. "семья": тюрк. *uŋu-k (/ *uŋu-g) ~ ср.-монг. hüre <

*p'ür/a/.

Тюрк.: др.-тюрк. uŋu 'зерно, семья; род, потомство', туркм. uŋuG 'род', узб., уйг. uŋu 'семья, род', кирг. uŋū id., тув. uŋu 'ребенок', як. uŋū, ŋū 'родня', тур. uŋuk 'племя', каз. ŋiŋ 'семья, род', чув. vōrō 'семья'etc. Производящая основа здесь *ur(i), ср. др.-тюрк. uŋi 'сын, мальчик, юноша', кирг., каз. ur-raq 'потомство'. См. VEWT 516 (М.Рясянен здесь, по-видимому, ошибочно возводит основу к глаголу ur- 'бить'), ЭСТЯ 1,604-606, EDT 197,214-215, ЭСЧЯ 49. Тюрк. uŋuk(/-g) > монг.-письм. uŋu 'плод, эмбрион'; 'родственники с материнской стороны' (вопреки Поппе, считающему

монгольскую и тюркскую формы исконно родственными [Porre 1960, 142]).

Монг.: ср.-монг. *hüre* (ХИ 62), монг.-письм. *üre*, калм. *ürn* (KW 459), халха-монг. *ür*, дун. *furə*, бао. *furə*, даг. *хур*, юй. *hure*, монгол. *furië* (DM 110-111) 'семья; потомство'.

Рассматриваемый корень хорошо представлен также в тунгусо-маньчжурских языках, ср. ТМ **pur-* в эвенк. *hurü* 'семья', эвен. *hur-kə* 'беременная (о животных)'; нег. *хүј-кет*, ороч. *хү-пе* 'самка животного с детенышами' (ТМС 2,354); ТМ **pur-kēn*, **pur-kē-kēn* 'подросток, юноша' (эвенк. *hurkēkēn*, сол. *ukkēxē*, эвен. *hurken*, орок. *purê* ~ *puriye* ~ *pureye* 'молодой', *pure-sel* 'молодежь', нан. *furi(n) nai* 'молодой человек', см. ТМС 2,353-354), а также ПТМ **purü-*, представленное в маньчж. *fur-sun* 'приплод, выводок', нан. *purü* 'семья', *purü* 'рожать (о животных) и **purü-l* 'дети' (> эвенк. *huri-l*, сол. *uri-l*, эвен. *hurə-l*, нег. *хүј-l*, ороч. *хү*, ульч. *purü-l*, орок. *purü-l*, нан. *purü-l*) (ТМС 2,357-358)⁹³.

Корейская параллель: *orabi* 'брат (по отношению к сестре)' к тюрк. *ur* в SKE 177-178 ненадежна (как семантически, так и фонетически - ввиду отсутствия *r*).

См. [Pelliot 1925,237], [Porre 1960, 11, 126] (монг. ~ ТМ), ЭСТЯ 1,606 (тюрк. ~ монг. ~ ТМ), [Цинциус 1972,52-59⁹⁴, Дмитриева 1979, 180].

Ср. далее МССНЯ, 361 (ностр. **регV* 'рождать'), где ТМ формы (без тюркских и монгольских параллелей) сравниваются с и.-е. **рег-* 'рождать', урал. **регV* 'семья, родственники', сем.-хам. **рг-* 'потомство, ребенок, плод'. 42. "сердце": ТМ **miāwan* ~ **niāman* (< **miānam*) ~ ср.-кор.

mānām < алт. **miānV-m*.

ТМ: эвенк. *mēwan* (диал. тж. *nēwan*), сол. *mēyā* ('сердце; грудь'), эвен. *māwun*, нег. *mēwan*, ороч. *māwa(n-)* ~ *miawa(n-)*, уд. *meāwa(n-)*, орок. *mēwa(n-)*, нан. *miawā*, маньчж. *naman* (ТМС 1,533-534), [Колесникова 1972^a,299]. Исходную форму несколько затруднительно реконструировать, но, вероятно, это было **miānam* (с различного рода последующими диссимиляциями).

Кор.: ср.-кор. *mānām* (КС 196, ХМ 203). Тот же корень в стяженном виде представлен, очевидно, в синонимичном средне-корейском *pjəm-thoŋ* 'сердце' (КС 109; ХМ 203)⁹⁵.

Сравнение корейской и ТМ форм см. SKE 136. Если исходная алтайская форма имела также значения "душа, мысль, настроение" (все эти значения - помимо значения "сердце" - имеют место в корейском), то не исключено, что ее можно связывать с нос. **manu* (**majnu?*), см. ОСНЯ 2,42-43 (сем.-хам. **mn-* 'думать,

понимать', и.-е. *men- 'думать', урал. *mano- 'заклинать, отгадывать', (?) драв. *manV 'просьба, слово'). 43. "слышать": ТМ *dōldī- ~ ср.-кор. t̃t- (-r-) < алт.

*d/ō/ldī- (~ *t-).

ТМ: эвенк. dōldī-, сол. dōldī-, эвен. doldə-, нег. dōldī-, ороч. dōgdī-, ульч. dōldī-, орок. dōlžī-, нан. dōlžī-, маньчж. donžī- (ТМС 1,214-215).

Кор.: ср.-кор. t̃t-tá (t̃r-) (КС 173; ХМ 345).

Чередование -t-/-r- в корейской форме указывает на *-d- в протокорейском (= ТМ *-d-). ТМ сочетание *-ld-, по-видимому, нормально соответствует кор. *-d- (ср. ТМ *aldan 'промежуток', монг. alda 'сажень' = кор. *àdām > ср.-кор. àrām 'сажень', см. выше, с. 15), так что фонетически сопоставление ТМ и кор. форм вполне удовлетворительно. См. [Miller 1971, 104].

Г.Рамстедт (SKE 269) связывает корейскую форму с эвенк. til- 'понимать'; однако это сопоставление нам представляется менее удачным, как по фонетическим соображениям (ТМ -lне может соответствовать кор. *-d-), так и ввиду изолированного характера эвенкийской формы (см. ТМС 2, 180; не исключено вообще, что это старое заимствование из якутского). Также неудачным представляется сближение ТМ формы с монг.-письм. duγul~ daγul- 'слышать, слушать' [Porre 1960, 139] - поскольку монгольская форма является производной от daγu, ср.-монг. daγun 'звук, голос', и имеет хорошую параллель в тюрк. *dīŋla- 'слушать', *dīŋ 'звук' (тюркские формы см. VEWT 478, ЭСТЯ 3,236-237). Что касается ТМ формы, то в ней, во-первых, отсутствует ожидаемый -ŋ-, во-вторых, она, по-видимому, морфологически нечленима⁹⁶. 44. "собака": тюрк. *it/*it ~ ТМ *ŋinda < алт. *ŋinta.

Тюрк.: др.-тюрк. it ~ it, туркм., тур., аз., кирг., etc. it, як. it, тув. i' t, чув. jidǎ и др. (VEWT 174; ЭСТЯ 1,385; EDT 34).

ТМ: эвенк. ŋina-kin, сол. nina-xī, эвен. ŋin, нег. ŋina-xīn ~ ŋina-xīn, ороч. ina-ki, уд. in'ai, ульч. ŋinda, ороч. ŋinda ~ ŋinda, нан. ŋinda, маньчж. inda-χun (ТМС 1,661-662).

Японскую параллель см. ниже (с. 96).

Один из примеров на развитие алт. *ŋ- > тюрк. 0- (см. выше, с.17-18). В инлауте тюркский и ТМ демонстрируют различное развитие исходного праалтайского сочетания *-nt- (упрощение *-nt > -t в ауслауте в тюркском и озвончение *-nt- > *-nd- в ТМ). В целом фонетически сближение вполне приемлемо.

См. VEWT 174, ТМС 1,662 (тюрк. ~ ТМ), [Новикова 1979,60-63] (хотя предлагаемое в этой работе - вслед за [Новикова 1971, 184-185] -

ономатопоэтическое истолкование рассматриваемого корня представляется несколько сомнительным). 45. "солнце": ТМ *sigū-n ~ ср.-кор. hǎi (< *sägi) < алт.

*sägV (~ *-k-).

ТМ: эвенк. siyūn, сол. š'igū, нег. siyūn ~ siwun ~ sijun, ороч. seu(n-), уд. sū(n-), ульч. siu(n-), орок. sšū(n-), нан. siū, маньчж. šun (ТМС 2,78).

Кор.: ср.-кор. hǎi (ХМ 153; КС 482) 'солнце'.

См. SKE 59 (хотя Г.Рамстедт ошибочно привлекает сюда же и кор. hǎi- 'белый', о котором см. выше, с. 25). Ср. далее МССНЯ,366, где ТМ форма (без корейской) сравнивается с и.-е. *seH^u'солнце'⁹⁷. 46. "соль": тюрк. *dūr ~ монг. dabu-sun (< *dabur-sun) <

алт. *čawVfV.

Тюрк.: др.-тюрк. tuz, туркм. dūz, аз. duz, тур. tuz, як. tūs, чув. tövar etc. См. VEWT 502, ЭСТЯ 3,288-289, EDT 570, ЭСЧЯ 234.

Монг.: ср.-монг. dabusun (ХИ 48), монг.-письм. dabusun, калм. dawsn (KW 80-81), халха-монг. davs, дун. dansun, бао. dabsun, юй. daabsən, монгол. Dabse (DM 37). Из монгольского заимствованы современные ТМ слова (эвенк. dawasun, маньчж. dabsun etc., см. ТМС 1, 186), см., например, [Клосон 1969,40].

Сравнение тюркской и монгольской форм см. [Владимирцов 1929,258], (VEWT 502). Монг. dabu-sun регулярно восходит к *dabur-sun (с выпадением сонанта перед суффиксом -sun), см. [Pritsak, 1954, 245], и рассматриваемое сближение является весьма надежным (несмотря на критику в [Joki 1952,340-341] и ЭСТЯ 3,289)⁹⁸.

Из тунгусо-маньчжурского материала мы привлекаем к данному корню ТМ *žujar- : эвенк. žēri-рси (< *žiarī- < *žujarī-) 'кислый, горький', эвен. žujir 'кислый', нег. žojajī-gdī 'кислый, горький', ороч. žui-si (< *žujir-si) 'кислый', ульч. žujir-si ~ žūr-si 'кислый, противный', орок. dūre, dūru-si id., нан. žojog-si 'кислый, терпкий', маньчж. žušun (< *žur-sun) 'уксус', žušu-xun 'кислый, терпкий' (ТМС 1,254).

Из корейского следует привлечь čel-da (орф. čjər-ta) 'быть соленым', čeri-da (орф. čjēgi-ta) 'солить' (ср.-кор. форма не зафиксирована).

Корейско-ТМ сравнение см. SKE 28.

Данный корень является одним из примеров на рефлексы праалтайской слабой аффрикаты *č- (см. выше, стр. 13-14)⁹⁹. 47. "спать": тюрк. *u-, *u-dī- ~ монг. poj-ir- ~ ТМ *ηu/j/a

< алт. *ηūja.

Тюрк.: др.-тюрк. *u* ~ *uv* 'сон', *udī-* ~ *udī-* ~ *uju-* 'спать'; тур., кум. *uju-*, хак. *uzu-*, тув. *udu-* 'спать'. Морфологическая структура основы **udī-* в тюркском не вполне ясна, поскольку продуктивный суффикс **-dī-* в тюркском отсутствует. Возможно, **udī-* представляет собой вторичный вариант незасвидетельствованной основы **u-d-* ("становиться сонным" = "засыпать, спать"), где был представлен обычный деноминативный суффикс **-d-*. От основы **udī-* уже в пратюркском было образовано новое производное **udī-q(u)* 'сон' (др.-тюрк. *udīq* ~ *ujqu*, тур. *ujku*, кирг., узб. *ujqu*, хак., тув. *uju*, чув. *ijūä*, аз. *juχu* etc.; ср. тж. туркм. *ūqī*, чув. диал. *iüë* 'сон') и, далее, **udī-q-la-* 'спать' (др.-тюрк. *uduqla-* ~ *udīqla-*, туркм. *ūqla-*, кум. *uχla-*, узб. *uχlā-* etc.). См. VEWT 508, ЭСЧЯ 342, ЭСТЯ 1,579-581,586-587 (по-видимому, напрасно возводит формы типа туркм. *ūqī*, *ūqla* к **u-ki-*, **u-k-la*; ввиду др.-тюрк. данных скорее нужно, вслед за [Bang-Gabain 1930,211] и [Рясянен 1955,50], возводить их к **ujuq-* < **uduk-*; соответственно, неоправдано сближение с ТМ **ruklē* 'лежать'), EDT 2,42-3.

Монг.: ср.-монг. *noγus-* (< **noj-γu-s-*) 'дремать' (ХИ 80), монг.-письм. *nojir* 'сон', *nojir-sa-* 'спать', калм. *nōrsə-* (KW 280), халха-монг. *noirso-* 'спать'. Сравнение монгольской формы [Владимирцов 1929,271,370; Рорре 1960,49] с тюрк. *javaš* 'мягкий' семантически совершенно неубедительно.

ТМ: ороц. *ɲua-* 'спать', уд. *ɲua-* ~ *ɲu^ha-* id. (ТМС 1,666). Предположение о срединном **-j-* (который должен был выпасть в ороц. и уд. в данном фонетическом контексте) позволяет связать эти формы с эвенк. *ńa-sō-* (Подкаменная Тунгуска), *nińa* (Тит. и др.) 'спать' (см. ТМС 1,597,636) < **ɲ(i)ja-* < **ɲuja-*.

К алт. **ɲüja-* можно было бы привлечь и ср.-кор. *nūr-(-v-)* 'лежать', однако эта основа имеет более надежные внешние параллели с анлаутным **n⁻¹⁰⁰*.

Японскую параллель см. ниже (с. 96).

К реконструкции анлаутного **ɲ-* в данном корне см. выше, с. 17. Ввиду несомненной членимости тюркской формы **udī-*, видимо, нужно поставить под сомнение сопоставление тюрк. с урал. **ода-* 'спать' (см. МССНЯ,367, там же литература). Сомнительно также отнесение тюрк. **u* к тому же корню, что и **umv* тюрк. **um-it-* 'забывать', монг. *umta-* 'спать' etc. (см. SKE 169), поскольку совершенно неясны причины отпадения *-m*. 48. "сухой": тюрк. **kūr-* ~ монг. *qaur-, qayur-* < алт. **k(ˀ)awVrV*

Тюрк.: др.-тюрк. *qur*, *quruγ* ~ *quruq* 'сухой', *qurī-* ~ *quru-* 'сохнуть'; туркм. *Gūri-* 'сохнуть', тур. *kuru* 'сухой', чув. *xōr*, як. *qūr-* 'сохнуть' (VEWT 302; EDT 642, 646,

652-653).

Монг.: ср.-монг. qoʔa-sun (< *qoʔar-sun) 'сухой' (Ибн Муханна), монг.-письм. qaurai, qaʕurai id., калм. χūrā (KW 204), халха-монг. xūraj, дун. qo-sun, бао. хо-sun, даг. хваагii, юй. хиугаа. Ср.-монг. qoʔa-sun (а также дун. qo-sun, бао. хо-sun) - один из случаев выпадения сонанта перед суффиксом -sun, так что общемонгольская основа надежно восстанавливается в виде *qaʕur- ~ *qoʕar- (< *kawVr).

Соотношение тюркского и монгольского инлаута однозначно указывает на алт. *-w- (см. выше, с. 18).

Японскую параллель см. ниже (с. 97). 49. "теплый": тюрк. *jili-g ~ монг. dula-ʕan < алт. *dūli- (~-ū-).

Тюрк.: др.-тюрк. jiliʕ (~ iiliʕ), каз., тат. žili, хак. čiliʕ etc. 'теплый'. Производящая основа представлена в др.-тюрк. jili-, тур. ili-, кум. jili-, хак. čili-, як. silietc. 'согреваться' (VEWT 200, EDT 919,925).

Монг.: ср.-монг. dulaʕan (ХИ 51), монг.-письм. dulaʕan, калм. dulān (KW 101-102), халха-монг. dulān 'теплый'. Ср. еще монг.-письм. dul 'безветренный ясный день', калм. dul 'теплый, тепло'.

Из тунгусо-маньчжурского материала сюда относится ТМ *dūl-: эвенк. dūl- 'пригревать (о солнце)', эвен. dūl- id. (но эвен. dūlən 'тепло', чжурчж. tū-lù-wēn 'теплый' могут быть и монголизмами), см. ТМС 1,221.

См. [Владимирцов 1929, 174,318] (тюрк. ~ монг.), [Porre 1960,23,75], VEWT 200 (тюрк. ~ монг. ~ ТМ)¹⁰¹. См. далее ОСНЯ 1,221-222 (ностр. *duli 'огонь'), где алтайская форма сравнивается с урал. *tule 'огонь', драв. *tu!V 'сиять, искриться', (?) сем. *dl-ḳ 'жечь, гореть'. 50. "тонкий": тюрк. *jub-ka ~ монг. nim-gen ~ ТМ *nem-, *nem-kūn < алт. *n[e]mV, *n[e]m-kV (~ *n[e]bV, *n[e]b-kV).

Тюрк.: др.-тюрк. juvʕa ~ jujqa ~ jurqa ~ juqa ~ juvqa 'теплый', туркм. jūqa, кирг., каз. жуқа, хак. čuʕa, чув. süʕě etc. (VEWT 209, EDT 874, ЭСЧЯ 224).

Монг.: ср.-монг. nimgen (ХИ 79), монг.-письм. nimgen, калм. nimgn (KW 276), дун. ninkīən, бао. niŋgaŋ, даг. niŋgəən, монгол. niāŋGān (DM 271) 'тонкий'.

ТМ: эвенк. nem-kūn, сол. neme-kū, эвен. nem-kun, нег. nem-kūn, ороч. nemī, уд. nem-nes'е-, neme-č'е, ульч. nem-de, орок. nem-de ~ nem-že, нан. nem-de (ТМС 1,621).

См. [Porre 1960, 114] (монг. ~ ТМ). Отметим, что в ТМ Поппе объединил два корня (*nem- 'тонкий' и *nem- 'мягкий', см. ТМС 1,652-653). Только с последним из них можно сопоставлять тюрк. *jim-l'-ak 'мягкий' (сюда же монг.-письм. neme-gün ~

nima-yun 'мягкий', см. KW 275). Вслед за Н.Поппе ту же ошибку повторяет В.М.Иллич-Свитыч (МССНЯ,350) (ностр. *ńämV 'мягкий'; сравниваются все алтайские формы и урал. *ńämV-k-¹⁰²). Корни "мягкий" и "тонкий" действительно весьма близки фонетически, а потому могли контаминировать; не исключено поэтому, что -m- в ТМ и монг. в корне "тонкий" появился вторично (под влиянием *ń/e/mV 'мягкий'). В таком случае нужно принимать, что архаичный вид сохраняет тюркская основа (*jub-ka < *nub-ka). В любом случае единство рассматриваемых тюрк., монг. и ТМ форм сомнений не вызывает. 51. "тот": монг. te- ~ ТМ *ta- ~ ср.-кор. tǰé < алт. *t'а.

Монг.: ср.-монг. te-re 'тот', te-de 'те' (ХИ 100-101), монг.-письм. te-re, калм. terə (KW 393), халха-монг. ter, дунс. tər-rə, бао. tər-г, даг. tər-г, юй. te-re, монгол. t'ie (DM 416).

ТМ: эвенк. ta-, tar-; сол. ta-, tari; эвен. ta-, taraq; нег. ta, taj; ороч. ta-, tei; уд. ta-, tei; ульч. ta, tij; орок. ta-, tāri; нан. ta-, tej; маньчж. te-, tere (ТМС 2, 164-167).

Кор.: ср.-кор. tǰé (ХМ 337, КС 154) 'тот' (вероятно < *tə-jə).

В тюркских языках имеются окказиональные формы на t(старокыпч. ti-gi, тат. tǰǰā-n-dä 'тот', см. VEWT 479), но ввиду полного отсутствия их в древних памятниках можно думать об их монгольском происхождении (ср. формы типа монг.-письм. te-güni), хотя Владимирцов [Владимирцов 1929, 126], Рамstedт (SKE 26) предполагали исконное родство.

См. SKE 26, [Рамstedт 1957,74]. См. далее ОСНЯ 1,7 (ностр. *tǰā 'этот, тот'), где алтайская форма сравнивается с и.-е. *to-, урал. *tä-, драв. *tā-, (?) сем.-хам. *tV-, (?) мегр. te-/ti. 52. "ты": тюрк. *sä-n ~ ТМ *si < алт. *sä.

Тюрк.: др.-тюрк. se-n (Dat. sa-ŋa), тур., узб. sen, аз. sä-n, чув. ezě etc (VEWT 409; EDT 831-832; ЭСЧЯ 346).

ТМ: эвенк. si (sin-), сол. šī (šīn-), эвен. hī (hin-), нег. sī (sin-), ороч. si (sin-), уд., ульч., нан., маньчж. si (sin-) (ТМС 2,72-73).

См. [Рамstedт 1957,69] (с не очень надежными корейскими параллелями)¹⁰³.

См. далее ОСНЯ 1,6: nostr. *Si "местоимение 2-го л.", откуда, кроме тюрк. и ТМ форм, также и.-е. *-s(i) "суффикс 2го л. ед.ч.", картв. se-/si- (ср. тж. še-). Неясно, следует ли (вслед за В.М.Иллич-Свитычем) рассматривать это *si как фонетический вариант местоимения *tǰi 'ты' (урал. *ti-, и.-е. *te-, сем.-хам. *-tV; сюда же ср.-монг., монг.-письм. čī 'ты'). Но во всяком случае, на алтайском уровне монг. čī нельзя считать закономерно соответствующим тюркскому *sä-n и ТМ *si. 53. "ухо": тюрк.

*kul-kak (/ *kul-gak) ~ ср.-кор. kúi < алт.

*k'üjlu (~ *k'ülju).

Тюрк.: др.-тюрк. qul-qaq ~ qul-yaq, чаг. qulyaq, qulaу, туркм. Gulaq, тур. kulak, як. qulyaх, чув. хӧлҫа etc (VEWT 298, EDT 621, ЭСЧЯ 291).

Кор.: др.-кор. kwì = /kuj/ (КСЧ 167), ср.-кор. kúi (КС 64, ХМ 202) 'ухо'¹⁰⁴.

Из монгольского к данному корню привлекается обычно монг.-письм. qulqu, калм. хулхА 'ушная сера' (KW 196); ср. еще монг.-письм. qulqu-г (~ qulqu-г) 'с висящими ушами, вислоухий'.

Из тунгусо-маньчжурского можно привлечь ТМ *xül-'раздаваться (о звуке, эхо)' (если принимать исходное значение "слышать"), ср. эвенк. ūl-ta 'раздаваться (эху), откликаться, отзываться'; эвен. ūl-də- 'звучать, раздаваться, отдаваться (об эхо)'; нег. ol-bun- 'раздаваться (об эхо)'; ульч. хoldi'звучать'; орок. хул-bun- 'раздаваться (об эхо)', хул-ži 'эхо'; нан. хōl-ži- 'звучать, раздаваться, отдаваться' (ТМС 2,263)¹⁰⁵.

См. KW 196, [Porre 1960, 18] (тюрк. ~ монг.), АКЕ 11 (кор.~тюрк.). Ср. далее МССНЯ,366 (ностр. *q/iw/IV 'слышать'), где алтайские формы сравниваются с и.-е. *k'leu-, урал. *kūle-, драв. *kēl- 'слышать', (?) сем.-хам. *kwl- id., картв. *qur'ухо'. 54. "хвост": тюрк. *kuduruk ~ ТМ *xürgü ~ ср.-кор. s-kòrí <

алт. *k'udu-rgi.

Тюрк.: др.-тюрк. qudruq ~ qudruq, як. quturuq, хак. хузурух, тур. kujruk, туркм. Gujriq, чув. хӱре etc. (VEWT 296, EDT 604, ЭСЧЯ 313).

ТМ: эвенк. irgi, сол. iggi ~ irgi, эвен. irgə, нег. iyi ~ ijgi, орок. iggi, уд. igi, ульч. хижи, орок. хиду, нан. хижу, маньчж. unče-xen (ТМС 1,325).

Кор.: ср.-кор. s-kòrí (КС 50, ХМ 302) 'хвост'. Начальный s- здесь, как и в других случаях (см. выше s-rjə, srig и др.), видимо, передает экспрессивную геминацию.

Из монгольского к данному корню относят обычно монг.-письм. quduᠭа 'подхвостник', см. [Владимирцов 1929, 322,337], KW 195, VEWT 296, [Porre 1960, 16], но весьма вероятно, что это тюркизм (ср. зафиксированное уже у Махмуда Кашгарского тюрк. quduᠭun 'подхвостник' при qudruq 'хвост'). С другой стороны, в монг.-письм. имеется синонимичное слово qudu-sqa (KW 195), откуда, вероятно, ряд современных тюркских форм (кирг. qujušqan, тур. kojaşkan etc., см. VEWT 297).

ТМ ~ тюрк. сравнение см. ОСНЯ 1,328, [Цинциус 1984, 114] (с указанием на регулярность выпадения -d- перед -гв ТМ, ср. тж. выше, примеч.35).

В.М.Иллич-Свитыч ([Иллич-Свитыч 1965,340]; ОСНЯ 1,328) привлекает к сравнению кор. *hugəri* 'подхвостник', что, по нашему мнению, мало обосновано фонетически. С другой стороны, ср.-кор. *s-kògí* вполне регулярно может восходить к **korri* < **kodri* (см. выше, с. 15, о развитии **-d-* в корейском) и хорошо соответствует прочим алтайским формам.

Алтайские формы В.М.Иллич-Свитыч (ОСНЯ 1,327-328, ностр. **ḳudi* 'хвост') сравнивает с картв. **ḳwad-/ḳud-* 'хвост' (и с большим сомнением с изолированным лат. *cauda* 'хвост' и чад. **kt-r/*gt-r id.*). 55. "холодный": монг.-письм. *küji-tün* ~ ТМ **xijū* < алт.

**k'ujī-* (~ **k'ijū*)

Монг.: ср.-монг. *köji-ten* (ХИ 73), монг.-письм. *küji-tün*, калм. *kītn* (KW 234), халха-монг. *xüjten*, дун. *kuitšäp*, бао. *kitaŋ*, даг. *kuituŋ*, юй. *kuuyten*, монгол. *k'üiDiän* (DM 210).

ТМ: эвенк. *ijī* 'иней', *ijī-ni-rču* 'холодный'; сол. *ini-gi-gdi* 'холодно', эвен. *ijī-* 'заморозить', *ijə-ń* 'холодный'; нег. *ini-* ~ *ijī-* 'заморозить', *ini-nigdi* ~ *ijī-ni-gdi* 'морозный, холодный'; ороч. *ijī-ni-si* 'холодный'; уд. *ijini^h id.*, ульч. *siŋu(n-) id.*; орок. *siŋū-* 'замораживать'; нан. *sīŋgu-* 'остыть', *siŋmū* 'прохладный' (> маньчж. *siŋga*, *siŋjeŋ* 'холод, стужа') (ТМС 1,321).

Данное сближение, насколько нам известно, ранее не предлагалось, хотя соответствия между монг. и ТМ здесь вполне регулярны. Абсолютно неприемлемо предположение Г.Рамстедта (SKE 55) о том, что ТМ формы заимствованы из кор. *əŋgi-da* 'загустевать' (которое, ввиду анлаутного 0-, вообще не может иметь сюда никакого отношения). 56. "мужчина": тюрк. **ār* ~ монг. *ere* < алт. **āre*.

Тюрк.: др.-тюрк. *er*, туркм. *ār*, аз. *är*, тур. *er*, хак. *ir*, чув. *ar* etc. 'муж, мужчина'. Также распространено производное *er-käk* (видимо, с вторичным сужением анлаутного гласного) > др.-тюрк. *erkäk*, туркм. *erkek*, аз. *erkäk* etc. 'мужчина, самец'. См. VEWT 46, ЭСТЯ 1, 321-322, 297-298, EDT 192,223 (Дж.Клосон считает, что **er-käk* не имеет отношения к **ār*), ЭСТЯ 30.

Монг.: ср.-монг. *ere* (*gü?ün*) (ХИ 55), монг.-письм. *ere*, калм. *erə* (KW 123), халха-монг. *er*, дунс. *əgə*, бао. *erə*, даг. *ər*, юй. *ere*, монгол. *rē* (DM 313).

См. [Владимирцов 1929, 324]; (KW 123), [Porre 1960,79, 106], [Клосон 1969, 40], [Цинциус 1972,45-48]. Ср. далее ОСНЯ 1,247-248 (ностр. **Herä* 'самец'), где алтайская форма сравнивается с драв. **er-* 'самец', и.-е. **h¹er-s-* *id.*¹⁰⁶. 57. "червь": тюрк. **kūr-t* ~ монг. *qoŋ-qai* < алт. *k'ūrA*.

Тюрк.: др.-тюрк. qurt, туркм. Gūrt, тур. kurd, каз., кирг. qurt, хак. хурт, чув. хорт etc. 'червь'. См. VEWT 303, EDT 648, ЭСЧЯ 309. О суффиксе -t в тюркском см. [Рамстедт 1957,200].

Монг.: ср.-монг. qoro-qai (ХИ 90), монг.-письм. qorqai, qorūqai, калм. хогхā (KW 188), халха-монг. хогхой, дунс. Gu᠕᠎᠎᠎᠎, бао. GorGəi, даг. хогигw, юй. хогохGui, монгор. хогGui (DM 173) 'червь, насекомое'. Бессуфиксальная основа сохраняется в калм. хог 'личинки слепня' (KW 187).

Долгопольский [Долгопольский 1965, 261] привлекает к данному корню также ТМ *xirga 'овод': эвенк. irga-kta, эвен. irgə.-t, нег. ijga-kta, уд. iga, ульч. siḗa-qta, орок. siḗi-qta/siri-qta, маньчж. iḗa (ТМС 324-325). Лучше, вероятно, привлекать ТМ *(x)üre 'дождевой червь'(см. с. 269).

См. KW 188, VEWT 303-304, [Räsänen 1955, 18] (привлекается к сравнению также фин. kurmi, имеющее, вероятно, индоиранское происхождение, см. SKES 264). См. далее ОСНЯ 1,358 (ностр. *korV 'червь'), где тюрк. и монг. формы сравниваются с и.-е. *kur-mi- 'червь'; [Долгопольский 1965, 261] (привлекает также ТМ форму, а также, вслед за [Räsänen 1955], фин. kurmi). 58. "черный": тюрк. *kara ~ монг. qara < алт. *k(ʼ)ara (~ *-ä-).

Тюрк.: др.-тюрк. qara, туркм. Gara, як. хага, чув. хога etc. См. VEWT 235, EDT 643-644, ЭСЧЯ 306.

Монг.: ср.-монг. qara (ХИ 88), монг.-письм. qara, калм. хага (KW 168), халха-монг. хаг, дунс. qara, бао. хəга, даг. хаг, юй. хāга, монгор. хага (DM 158). Дж.Клосон считает, что монг. < тюрк., но для этого как будто бы нет оснований (хотя и исключать возможность заимствования тоже нельзя). Из монгольского заимствованы (в качестве коневодческих терминов) эвенк. кага: 'черный (о масти), карий', сол. хага: 'черный, вороной', маньчж. qara 'чисто-черный, вороной' (см. ТМС 1,379), а также ср.-кор. kara-, kòrá- в kara-mār, kòrá-mār 'лошадь темной масти' (см. SKE 96).

Японскую параллель см. ниже (с. 98).

См. KW 168, VEWT 235 (монг. ~ тюрк.). См. далее ОСНЯ 1,337-338 (ностр. *kar/ā/ 'черный', откуда, кроме алт. *k(ʼ)ara, также и.-е. *ker(s)-, драв. *kar/*kār/*kār 'черный, темный'). 59. "что": монг. ja-Gun ~ тюрк. *nä < *ḡia-.

Монг.: ср.-монг. jaᠵu, jaᠵun (ХИ 110), монг.-письм. ja-ᠵun, калм. jün (KW 221), халха-монг. jū, дунс. iaᠨ, бао. iaᠨ, даг. жоо, монгор. jān (DM 487) 'что?'. Ср. также основу ja- в монг.-письм. ja-ᠵaki-'что делать?', ja-ᠵakin 'как?', jaᠵuma 'вещь, нечто',

ja-mar ~ja-mbar 'какой, что за?'

Тюрк.: др.-тюрк. ne, тур., аз., чаг. nä 'что?' etc. (VEWT 352, EDT 774-775). Поскольку в тюркском в принципе не допускается анлаутный *n-, пратюркская форма *nä обычно выводится как результат вторичной ассимиляции - из более древней формы типа *jä-n (см., например, [Рамстедт 1957,76]). Возможно, однако, что в данном случае наблюдается нерегулярное сохранение исконного носового (< алт. *ŋ-) в местоименной морфеме.

Японскую параллель см. ниже (с. 99).

В данной вопросительной основе обычно (см. [Рамстедт 1957,76-77], SKE 74, KW 221, [Porre 1960,32]) восстанавливается алт. *j-. Однако делается это на основе сравнения с маньчж. ja 'что', которое, как мы видели выше (см. с. 39) восходит к ТМ *xaj- (~ *xia-) и не имеет никакого отношения к рассматриваемому здесь тюрко-монгольскому корню. Из ТМ сюда, несомненно, нужно привлекать совершенно другую вопросительную основу, а именно, ТМ *ŋü 'кто' > эвенк. ŋī, сол. nī-xē, эвен. nī ~ ŋī, нег. nī ~ ŋī, ороц. nī, уд. nī, ульч. ŋui ~ uj, орок. ŋu(j)i, нан. ui ~ uj, маньчж. we (ТМС 1,660-661)¹⁰⁷.

Данной форме точно соответствует ср.-кор. nu-, nú-'кто' (ХМ 338; КС 114, 116). Таким образом, мы имеем здесь дело с рефлексамии общеалтайского *ŋ-, сохранившегося в ТМ, перешедшего в n- в корейском и (в виде архаизма) в тюркском и давшего j- перед последующим восходящим дифтонгом в монгольском. Что касается вокализма, то надо полагать, что ТМ и кор. формы восходят к праалтайской суффиксированной форме *ŋia-u (ср. ср.монг. jaʉu).

Обычную алтайскую этимологию и реконструкцию *ja принимает В.М.Илич-Свитыч (ОСНЯ 1,277-278). Далее он сравнивает сем.-хам. *ja/ʒaj 'какой, что', картв. *ja- 'кто', и.-е. *io'который (относ.)', урал. *jo- 'который, какой-то (относ. и неопред.)', драв. *jǎ- 'какой, что (вопрос.)'. Поскольку ностратические соответствия алтайскому *ŋ- пока не выяснены, то сейчас неясно, относится ли к этому ностратическому корню разобранный выше алтайский. 60. "шея": тюрк. *boj(i)n ~ ТМ *moŋa-n ~ ср.-кор. mjæk < алт.

*mōj(u)ŋa.

Тюрк.: др.-тюрк. bojn ~ bojun, туркм., тур., аз. bojun, тув., як. тоjun, каз., хак. тоjn, як. mōj, mōj, чув. mōj etc. (VEWT 80, ЭСТЯ 2, 180-182, EDT 386, ЭСЧЯ 129). Из тюркской производной формы *boj(i)nak (ср. каз. тоjnaq, кирг. тоjnoq, як. тоjnox) заимствованы монгольские формы - монг. тоjноу, бур. bojnok 'подгрудок,

гривенка' - приводимые Поппе [Porre 1960,34, 140] в качестве исконно родственных. Также вряд ли имеет отношение к тюрк. *boj(i)n монг.-письм. bojimi 'петля аркана' (см. [Владимирцов 1929,277]).

ТМ: эвенк. тоҗон 'шея, горло, воротник'; нег. тоҗон 'шея, воротник'; ороц. тоҗо(n-) id.; уд. тоҗо-li 'воротник'; ульч. тоҗуо(n-) 'шея'; орок. тоҗго(n-) id., нан. тоҗуõ 'шея, горло'; маньчж. тоҗуон 'шея (передняя часть)' (ТМС 1,546); [Колесникова 1972^a,292-293].

Кор.: ср.-кор. mǒk (ХМ 199), mjǎk (КС 213) 'шея'. Корейская форма по-видимому, восходит к *mjǎk-к с суффиксом -к, ср. с другим оформлением ср.-кор. mǎŋ-ǎi 'ярмо, хомут, упряжь' (сравниваемое с тюркскими формами в VEWT 80).

См. [Porre 1960,34, 140], (VEWT 80) (тюрк. ~ ТМ ~ кор. mǎŋe; но приводимые там финно-угорские формы - фин. rovi и др. вряд ли сюда относятся). Корейскую форму mjǎk М.Рясянен (VEWT 180) сравнивает с другим материалом (др.-тюрк. jaqa 'воротник', эвенк. һекам 'шея' etc.), но это фонетически невозможно¹⁰⁸.

Ср. далее и.-е. *mopo- 'шея' (WP 2,3-5; [Иванов-Гамкрелидзе 1984,666-667,815]). 61. "этот"

а) тюрк. *k/ö/ (~ *g/ö/) ~ ср.-кор. k < алт. *k(´)ö.

Тюрк.: чув. ko, с.-юг. ko 'этот', см. VEWT 273. В прочих тюркских языках (и в др.-тюрк.) представлено местоимение *bu 'этот' (см. VEWT 85). Однако внешние данные и наличие в чувашском иной основы говорят о том, что *bu - сравнительно поздняя инновация (возможную этимологию *bu см. [Рамстедт 1957,75]). Предположение Г.Рамстедта (ibid.), что чув. ko соотносится с глаголом *kög- (*gög-) 'смотреть', представляется довольно сомнительным.

Кор.: ср.-кор. k- (КС 76) 'этот' (средней степени дальности, о более или менее отдаленных предметах).

Японскую параллель см. ниже (с. 99).

К этому же корню Г.Рамстедт (SKE 114) привлекает монгольскую действительную клитику kü (ene kü 'вот этот', tere kü 'вон тот' и т.п.).

См. SKE 114 (тюрк. ~ кор. ~ монг.), [Рамстедт 1957,75-76]. Далее интересно обратить внимание на индоевропейскую указательную основу *k'о- ~ *k'е- 'этот' (см. WP 1,452).

б) монг. e-ne ~ ТМ *e- < алт. *e-.

Монг.: ср.-монг. e-ne 'этот', e-de 'эти' (ХМ 52,54), монг.-письм. e-ne, e-de, калм. enə, edə (KW 117, 122), халхамонг. e-ne-, дунс. энə, бао. enə, даг. энə, юй. ene, монгол.

nie (DM 272).

ТМ: эвенк. е-, е-г, сол. е-, ег ~ егі; эвен. е-, ег; нег. е-, еј; орооч. е-, еі; уд. е-, ејі; улъч. е-, еј; орок. е-, ег ~ егі; нан. е, еј; маньчж. е-, еге (ТМС 2,460-462).

См. [Porre 1960, 142] (ТМ ~ монг.), (SKE 166), [Рамстедт 1957,74]. Г.Рамстедт привлекает к данному корню также кор. і(ср.-кор. í) 'этот' и некоторые периферийные тюркские дейктические формы на і- (як. injä, койб. inžä 'вот так', idi 'так' и под.), противопоставленные формам на а- (последние хорошо представлены в составе сложной основы а-п- уже в др.тюрк., ср. ап-са 'так', ап-дау 'такой', ап-косвенная основа указательного ol 'тот' etc.). Скорее всего, эти формы не имеют отношения к рассматриваемому местоимению *е, но представляют собой остатки самостоятельной дейктической пары *і '(вот) этот' - *а '(вон) тот'¹⁰⁹.

В.М.Илич-Свитыч (ОСНЯ 1,8) рассматривает ностратические именные основы *ʔi и *ʔe совместно, однако они противопоставлены друг другу в алтайском (*i : *e), урал. (*i/*e), драв. (*i/ě), и.-е. (*h'ei-/*h'e-) и картв. (*(h)i/*(h)e), поэтому целесообразно, видимо, восстанавливать оба ностратических корня - хотя точную реконструкцию их значения и употребления пока, конечно, сделать затруднительно; ясно лишь, что оба они служили для указания на ближайший предмет и противопоставлялись указательным местоимениям *ʔa, *šä, *ʔä 'он, тот', служившим для указания на более отдаленные объекты (см. ОСНЯ 1,7-8). 62. "я": тюрк. *bä- ~ монг. bi ~ ТМ *bi < алт. *bä-.

Тюрк.: др.-тюрк. be-n, ср.-тюрк. men, аз. män, тур. ben, узб. men, чув. e-bě etc. (VEWT 333, EDT 346, ЭСЧЯ 345).

Монг: ср.-монг. bi (ХИ 40), монг.-письм., калм. bi (KW 44), дунс. bi, бао. bǔ (~ бə), даг. biі, юй. бə, монгор. Вu (DM 30).

ТМ: эвенк., сол., эвен., нег., орооч., уд., орок., маньчж. bi (min-), нан. mi (min-) (ТМС 1,79).

Японскую параллель см. ниже (с. 99-100).

См. [Рамстедт 1957,59]; см. также подробный разбор (с литературой) в ОСНЯ 1,65 (там же ностратические параллели: и.-е. *me-, картв. *me/*mi, урал. *mi).

От того же корня произведены и формы множественного числа "мы":

тюрк. *bi-ǵ : др.-тюрк. biz, туркм., тур., аз. biz, чув. e-bir etc. (VEWT 77, ЭСТЯ 2, 129-130, EDT 388, ЭСЧЯ 345);

монг.: ср.-монг. bi-da 'мы' (incl.), ba 'мы' (excl.) (ХИ 38,41) (позднее различие между эксклюзивом и инклюзивом стирается, см. [Рамстедт 1957, 71] и др.);

ТМ *bu(e) 'мы' (excl.), см. ТМС 1,98, [Benzing 1955, 1056], *mü-n-ti ~ *mü-n-si (< *bü-n-) 'мы' (incl.), см. ТМС 1,539, [Benzing 1955,979, 1056].

Не вполне ясна ситуация в корейском языке. Здесь исконное местоимение 1-го л. ед.ч. *bä отсутствует, а вместо него имеем новообразование - ср.-кор. na, совр. na⁻¹¹⁰. Во множественном числе имеем форму ср.-кор. úri 'мы', которую можно было бы сопоставлять с алт. *bü-ŕV (как это делает Г.Рамстедт [Рамстедт 1951,70]) - но только предположив нерегулярное развитие *bü-ŕV > *wuri > uri (в противном случае в корейском было бы *puri).

См. [Рамстедт 1957,70-71], а также подробный разбор в ОСНЯ 2,52-56 (там же ностратические параллели: сем.-хам. *m(n) 1-е л. pl. incl., картв. *m "показатель объекта 1-го л. pl. (incl.?)", и.-е. *me-s 1-е л. pl., урал. *mä-/me- 1-е л. pl., драв. *mǎ-основа местоимений 1-го л. pl). 63. "язык": монг. kele(n) ~ ТМ *xil-ŋü ~ кор. hjé < алт. *k'äliä.

Монг.: ср.-монг. kelen (ХИ 70), монг.-письм. kele(n), калм. keln (KW 224), халха-монг. xel, дунс. kiäliän, бао. kalaŋ, даг. хәlj, юй. kelen, монгол. k'ilie (DM 203). Формально основа является производной от ср.-монг. kele- (ХИ 70), монг.-письм. kele- etc. 'говорить'.

ТМ: эвенк. inpi (диал. ilŋi), сол. iŋi, эвен. 'en-ŋə, нег. iŋni ~ iŋŋi, ороч. i(ŋ)ŋi, уд. iŋi, ульч. siŋu, орок. siŋu, нан. siŋtu ~ siŋtu, маньчж. ilenŋu (ТМС 1,316-317), [Колесникова 1972^a,291].

Кор.: ср.-кор. hjé (КС 487, ХМ 201) < *həljé, см. выше (с. 20). Весьма интересно написание в др.-кор. (КЧС 167): ŷât = /har/. Возможно, здесь отражена особая диалектная форма с иным развитием общекорейского *həljé (с сохранением плавного, но с утратой конечного слога).

Из тюркского материала сюда можно привлечь др.-уйг. kelä-čü 'слово' (Махмуд Кашгарский), чув. kala- 'говорить', карач. kele-či 'посол, сват' и др. (тюрк. *Kälä-) (VEWT 248, ЭСЧЯ 85-86); в (EDT 716) Дж. Клосон отрицает связь с монг. kele- и считает keläčü иностранным словом неизвестного происхождения: это очень сомнительно.

См. SKE 61 (кор. ~ ТМ), VEWT 248 (тюрк. ~ монг.¹¹¹), [Иллич-Свитыч 1965,340]. См. далее ОСНЯ 1,346 (ностр. *kä/IN/ä 'язык'), где алтайские формы сравниваются с урал. *kēle 'язык'. 64. "яйцо": тюрк. *jumurtka ~ монг. ömdege-n ~ ТМ *umūkta < алт. *omu(r)-tkV.

Тюрк.: др.-тюрк. jumurtqa ~ jumurqa, туркм. jumirtqa, каз. žumurtka, як. simt,

чув. *šömarða* etc. (VEWT 211, EDT 938, ЭСЧЯ 207).

Монг.: ср.-монг. *ömdegen* (ХИ 84), монг.-письм. *ömdegen* ~ *öndegen*, калм. *öndögn* (KW 296), халха-монг. *öndög*, дунс. *ändəyüäi*, бао. *ändəgi*, даг. *ändugw*, монгол. *nDiGe* (DM 263).

ТМ: эвенк. *umūkta*, сол. *umatta*, эвен. *umtə*, нег. *omokta* ~ *omūkta*, ороц. *umukta*, ульч. *omuqta* ~ *umūqta*, нан. *omogta*, маньчж. *umxa(n)* (ТМС 2,269). Формально в ТМ налицо производное от **umū-* 'нести яйца' (ср. эвенк. *umū-* etc., *ibid.*).

См. [Владимирцов 1929,370] (тюрк. ~ ТМ; но из монгольского явно ошибочно привлекается монг.-письм. *im* ~ *nim* "testiculi"), VEWT 211 (тюрк. ~ ТМ).

В тюркском вторичный **j-*, очевидно, по аналогии с тюрк. **jum-* 'круглый' (см. VEWT 210).

Словообразовательная структура в ТМ позволяет предположить, что перед нами древнее производное от глагола **omū-* (> ТМ **umū-*) 'нести яйца'¹¹². Поэтому вопрос о связи алт. **omu(r)-tkV* с ностратическими формами (урал. **muña* 'яйцо', драв. **muṭṭai*, и.-е. > слав. **mōdo*, см. ОСНЯ 2,72: ностр. **muña* 'яйцо') пока (до выяснения словообразовательной структуры данной основы в прочих ностратических языках) остается открытым. 65. "новый": тюрк. **jaŋi*/**jäŋi* ~ монг. *sine* ~ ср.-кор. *sái* <

**za(i)ŋi*.

Тюрк.: др.-тюрк. *jaŋi* ~ *jeŋi*, кирг. *жаңа*, хак. *nā*, як. *saŋa*, *saŋa*, тур. *jāni*, аз. *jeni*, чув. *šēñē* etc. (VEWT 185, EDT 943, ЭСЧЯ 211). Выведение тюркского **jaŋi* из **jān* 'сторона' + **ki* "адъективный суффикс", предлагаемое М.Ряшененом, весьма неудовлетворительно семантически и не очень удачно фонетически (в **jān* 'сторона' имеем долгий **ā-*, а в **jaŋi* 'новый' - краткий *ä*). Из тюркского заимствовано монг.-письм. *жаңги* 'новость' (KW 470, [Porre 1960,72], VEWT 185).

Монг.: ср.-монг. *šini* (ХИ 97), монг.-письм. *sine*, калм. *šinə* (KW 358), дунс. *šini*, бао. *šinə*, даг. *šinkəŋ*, юй. *šəpə*, монгол. *šeni* (DM 375). Предположение Г.Рамстедта (KW 358) о том, что монг. *sine* заимствовано из китайского, довольно сомнительно по общим соображениям; скорее (ввиду надежной фиксации слова в ср.-монг. и монг.-письм. и явном его общемонгольском характере) налицо случайное совпадение.

Кор.: ср.-кор. *sái* (КС 295) 'новый'. Корейское *sái* регулярно восходит к **sāŋi* с утратой срединного *-ŋ*¹¹³.

Сближение данных тюркской, монгольской и корейской форм, насколько нам известно, ранее не предлагалось (но см. ЭСЧЯ 211). Оно представляется вполне вероятным, если принять соответствие "тюрк. *j- : монг. , ТМ, кор. s-" (< алт. *z), о котором см. примеч. 25.

На основании предложенной выше этимологической информации мы можем теперь перейти к самой процедуре лексикостатистического анализа. Попарное сравнение пратюркских, пратунгусо-маньчжурских и среднекорейских лексем дает следующие результаты:

а) пратюркский и прамонгольский имеют 20 совпадающих слов в пределах стандартного 100-словного списка: "весь" (Кор *qou < *kor'u); "вода" (*sub - *u-sun < *su-sun; < *suwA); "длинный" (*ur' - *ur'-tu < *ur'A); "дым" (*tüt-ün - *uta-γan < *tuta-γan; < *t'ut'V); "звезда" (*jul-du-í < *p'iuul-du- : *hol-dun; < *p'iuul'V); "камень" (*däl : *čila-γun < *tiöl'a); 'кора' (*kāpu-k : *qau-da- < *k()ār' i); "круглый" (*tä(η)gir-/ *da(η)kir : *tögürig < *t'öñkV); "кто" (*ki-m ~ *ke-m : *ke-n < *k'e-); "лист" (japur-gak : *lab-či-n < *liap'V); "семя" (*uru-k : *hüre < *p'ür/a/); "сухой" (*kür- : *qaur- < *kawVrV); "теплый" (*jili-g : *dula-γan < *dülü-); "мужчина" (*ār : *ere < *āre); "черный" (*kara : *qara < *k()ara); "что" (*nä : *ja-γun < *ña-); "новый" (*jañi : *sine < *za(i)ñi); "я" (*bä- : *bi < *bä-); "мы" (*bi-í : *bi-da < *b/ü/-); "яйцо" (*jumurtka < *umurtka : *ömdege-n < *omu(r)-tkV)¹⁴.

По списку С.Е.Яхонтова (из которого исключены 10 слов: "весь, течь, ноготь, кора, кусать, лежать, мы, перо, семя, теплый", и добавлены "близкий, ветер, год, далеко, змея, короткий, соль, тонкий, тяжелый, червь") для пратюркского и прамонгольского мы получаем также 20 совпадающих единиц; отбрасываются: "весь, кора, мы, семя, теплый"; добавляются: "ветер" (тюрк. *jel : монг. *sal-kin < *zelV); "год" (*jil : *žil < *dila); "соль" (*dūr : *dabur-sun < *čawVrV); "тонкий" (*jub-ka : *nim-gen < *ñ[e]b-kV); "червь" (*kür-t : *qora-qai < *k'iuṛA).

С.Е.Яхонтов (в письменном сообщении) предложил процедуру лексикостатистической оценки степени родства сравниваемых языков. Для этого он разбил 100-словный список на два: 35-словный и 65-словный, причем к 35-словному отнесены наиболее устойчивые слова. 35-словный список С.Е.Яхонтова выглядит следующим образом: "ветер, вода, вошь, глаз, год, дать, два, знать, зуб, имя, камень, кость, кровь, кто, луна, новый, нос, огонь, один, полный, рог, рука, рыба, собака, солнце, соль, ты, умереть, ухо, хвост, что, этот, я, язык, яйцо".

Если два языка действительно родственны, то процент совпадений в пределах списка 35 слов должен быть выше, чем процент совпадений в пределах остальной части 100-словного списка. Если же процент совпадений одинаков (или процент совпадений в пределах 65-словного списка больше, чем процент совпадений в пределах 35 слов) - то сходство между языками случайное (т.е. налицо либо случайные совпадения, либо результат активных контактов и заимствований). Эта процедура хорошо работает во многих известных нам случаях; в частности, она позволяет констатировать, что между китайским и тайскими языками исконное родство отсутствует, несмотря на довольно большое количество совпадений в пределах 100-словного списка.

Если приложить эту процедуру к тюркско-монгольским схождениям, то мы получим 28,6% совпадений в 35-словном списке (10 слов "ветер, вода, год, камень, кто, новый, соль, что, я, яйцо") и 15,4% совпадений в 65-словном списке (остальные 10 слов), что вполне удовлетворяет требованиям исконного родства.

b) пратюркский и пратунгусо-маньчжурский имеют 18 совпадающих слов в пределах стандартного 100-словного списка: "весь" (*kop : *kuru- < *kop'u), "волос" (*kıl : *xiń-ŋa < *k'IV), "есть" (*jē- : *že- < *žē-), "жечь" (*jak- : *deg-že < dakV), "камень" (*dāl' : *žola < *tiōl'a); "круглый" (*tä(ŋ)ir : *toŋol < *t'ōŋkV), "перо" (*jüg : *dek-te < *d/i/gu); "печень" (*bagır : *pākin < *pāk'ı); "полный" (*dōl : *žalu < *čōlu-), "рука" (*äl : *ŋāla < *ŋālā); "собака" (*it : *ŋinda < *ŋinta), "спать" (*u- : *ŋuja < ŋuja); "ты" (*sä : *si < *sā); "хвост" (*kuduruk : *xürgü < *k'udu-rgi); "шея" (тюрк. *boj(i)n : *moŋan < *mōj(u)ŋa); "я" (*bä : *bi < *bā); "мы" (*bi-ř : *bu(e) < *bü-); "яйцо" (*jumurtka : *umūkta < *omu(r)tkV)¹¹⁵.

По списку С.Е.Яхонтова получаем 16 совпадающих единиц (отбрасываются: "весь, жечь, мы, перо", добавляются: "близкий" (*jag-uk : *daga < *daka), "тонкий" (*jub-ka : *nem-kūn < *ŋ[e]b-kV).

В результате процедуры разбиения списка получаем 22,9% совпадений в пределах 35-словного списка (8 слов: "камень, полный, рука, собака, ты, хвост, я, яйцо") и 12,3% совпадений в 65-словном списке (остальные слова).

c) пратюркский и среднекорейский имеют 17 совпадений в пределах стандартного списка: "белый" (*sāri-g : hǎi- < *siāri-); "весь" (*büt-ün : mòtán), "голова" (*bal'(č) : mǎri < *mal'V); "дождь" (*jag- : pı < *p' iägi), "есть" (*je : čā < *žē-); "жечь" (*jak- : t'ä- < *dakV); "звезда" (*julduř : pjērĥ < *p' iül'V); "камень" (*dal' : tōrh < *tiōl'a); "кора"

(*kāpu-k : kàp'ír < *k(̣)āp'í); "круглый" (*tä(η)gir: toŋkor- < *t'öŋkV); "лист" (*japur-gak : níph < *liap'V); "ухо" (*kul-gak : kúi < *kūjlu); "хвост" (*kuduruk : s-kòrí < *k'udu-rgi); "шея" (*boj(i)n : mjə-k < *mōj(u)ŋa); "этот" (*k/ö/ : k < *k(̣)ü); (?) "мы" (тюрк. *bi-ř : úrí < *bü-řV); "новый" (тюрк. *jaŋi : sái < *za(i)ŋi).

По списку С.Е.Яхонтова получаем 13 совпадений (после отбрасывания слов "весь, жечь, кора, мы"). Из них 5 слов относятся к 35-словному списку ("камень, новый, ухо, хвост, этот") (14,2%), а 8 остальных - к 65-словному списку (12,3%), т.е. опять-таки процент совпадений в 35-словном списке превышает процент совпадений в 65-словном (хотя и не так значительно, как в предыдущих случаях).

d) прамонгольский и пратунгусо-маньчжурский имеют 23 совпадения в пределах стандартного списка: "весь" (*qou : *kuru < *kop'u); "глаз" (*ni-dün : *níā-sa < *níā), "грудь" (*kökü-n : *kuku-n < *kok'ü-); "два" (*žiw-rin : *žuwe(r) < *diüwV); "дерево" (*mo-dun < *mor-dun : *mō < *mōr/u/); "зола" (*hüne-su-n : *pulné- < *pülné), "камень" (*čila-γun : *žola < *tiōl'a); "кора" (*körü-sün : *xura-hta < *k'or/e/); "корень" (*ündü-sün : *ŋūŋ(k)te < *ŋūŋte); "красный" (*hula-γan : *pula < *p(̣)üla-); "круглый" (*tögürig : *toŋol- < *t'öŋkV); "маленький" (*ücü-gen : *ŋüči- < *ŋüč'i); "нос" (*qaŋ-bar : *xoŋa < *k' /u/aŋa); "не" (*e- : *e- < *e-); "рот" (*aman : *am-ŋa < *am/a/-); "тот" (*te- : *ta- < *t'a), "холодный" (*küyi : *xi-ŋü < *k'ŋi-); "этот" (*e- : *e- < *e-); "я" (*bi : *bi < *bä-); "мы" (*bi-da : *bu(e) < *b/ü/-), "язык" (*kele-n : *xil-ŋü < *k'äliä), "яйцо" (*ömdegen : *umūhta < *omu(r)-tkV); "волос" (*hü-sün : *puŋe- < *p'ünV).

По списку С.Е.Яхонтова получаем 21 совпадение (отбрасываются "весь, кора, мы"; добавляются: "змея" (*mogai : *mükü < *mük'V), "тонкий" (*nim-gen : *nem-kün < *n/e/bkV). Из них 8 слов ("глаз, два, камень, нос, этот, я, язык, яйцо") относятся к 35-словному списку (22,9%); остальные 14 слов составляют 21% 65-словного списка. И здесь, таким образом, процентные соотношения сохранившихся слов в более устойчивом и менее устойчивом пластах свидетельствуют в пользу генетического родства¹¹⁶.

e) прамонгольский и среднекорейский имеют 16 совпадений в стандартном стословном списке: "глаз" (*ni-dün : nú-n < *níā); "два" (žiw-rin : tūrh < *diüwV); "звезда" (*ho-dun < *hol-dun : pjərh < *p'üül'V); "имя" (*nere : *nirhu-m < *närV); "камень" (čila-γun : tōr(h) < *tiōl'a); "кора" (*qauda : kàp'ír < *k(̣)āp'í); "кость" (*ja-sun < *hian-sun : s-pjə < *p'eniV); "красный" (*hula-γan : p'rk < *p(̣)üla-); "круглый" (*tögürig : toŋkor- < *t'öŋkV); "лист" (*labč'in : níp(h) < *liap'V); "нос" (*qaŋ-bar : kó(h) < k' /u/aŋa); "рот" (*eber : s-p'ir < *ep'VrV); "тот" (*te- : tǰə < *t'a); (?) "мы" (*bi-da : u-ri/ <

*bū-); "язык" (*kele-n : hjé < k'äliä); "новый" (*sine : sái < *za(i)ŋi).

В списке С.Е.Яхонтова имеем 14 совпадений (после отбрасывания слов "кора", "мы"). Из них 9 слов (25,7%) оказываются в 35-словном списке ("глаз, рог, новый, нос, камень, язык, два, имя, кость") и только 5 слов (7,7%) - в 65-словном списке.

f) наконец, пратунгусо-маньчжурский и среднекорейский имеют в стандартном стословном списке 21 совпадение: "вода" (*mū : mír < *mūri); "глаз" (*ñiā-sa : nú-n < *ñiā); "грудь (женская)" (*ča(i)ža-n) : *čjəč < *č'ajVžV); "два" (*žuwe(r) : tūr(h) < *diüwV); "есть" (*že-(p) : *čā- < *žē-); "жечь" (*deg-že- : t'ǎ- < *dakV); "камень" (*žola : tōr(h) < *tiō'la); "красный" (*pula- : pñ-k- < *p()üla-); "круглый" (*toŋol : toŋkor- < *t'öŋkV); "нога" (*palga-n : pá-r < *pal'kV); "нос" (*xoŋa : kó(h) < *k'uaŋa); "пить" (*umi- : mà- < *ümi-); "сердце" (*miānam : māñam < *miānV-m); "слышать" (*döldī- : *ñd- < *d/ō/ldī-); "солнце" (*sigu-n : hái < *sägV); "тот" (*ta : tjé < *t'a); "хвост" (*xürgü : s-kòrī < *k'udu-rgi); "шея" (*moŋa-n : mjə-k < *mōj(u)ŋa); "язык" (*xil-ŋü : hjé < *k'äliä); (?) "мы" (*bu(e) : u/-ri/ < *bū-); "кто" (*ŋü : nú- < *ŋia-u).

По списку С.Е.Яхонтова получаем 19 совпадений (убрав слова "жечь" и "мы"). Из них 9 относятся к 35-словному списку ("глаз, камень, хвост, язык, два, вода, кто, солнце") и составляют в нем 25,7%; остальные слова составляют 15,4% 65-словного списка.

Полученные результаты можно представить в виде следующей таблицы (цифры обозначают число совпадений в 100-словном списке М.Сводеша; в скобках указано количество совпадений по 100-словному списку С.Е.Яхонтова):

	тюрк.	монг.	ТМ	кор.
тюрк.	-	20(20)	18(16)	17(13)
монг.		-	22(21)	16(14)
ТМ			-	21(19)

По этой таблице видно, что тюркский, монгольский и ТМ примерно равно удалены друг от друга; корейский, по-видимому, отделился несколько раньше, поскольку при сравнении корейского с тюркским и монгольским проценты совпадений довольно равномерно понижаются. Сравнительно большое число совпадений между ТМ и корейским, возможно, объясняется вторичными контактами (уже после распада праалтайского)¹¹⁷. Но во всяком случае

проведенный лексикостатистический анализ, по нашему мнению, не оставляет никаких сомнений в реальности генетического единства алтайских языков (хотя временная глубина алтайской семьи оказывается довольно значительной); приведенные цифры позволяют датировать ее распад временем около 6 тысячелетия до н.э.).

Л.Лигети (отвечая на статью Дж.Клосона 1969 г.) писал: "Алтайская языковая общность не доказана, как это сделано, например, в отношении языков индоевропейских или финноугорских. Это может иметь две причины. Либо, действительно, так называемые алтайские языки не восходят к общему праязыку, и, следовательно, они не являются родственными. Либо, напротив, на деле они родственные языки, но их обличье, известное теперь (или же обличье более древнее), явилось результатом эволюции столь специальной и неравномерной, что их родство не может быть доказано сообразно известным моделям (индоевропейским, финно-угорским и т.д.), и ничто не указывает нам с достоверностью на путь, ведущий к праязыковой общности" [Лигети 1971, с.31].

Нам представляется, что вся специфика алтайских языков и "алтайской проблемы" заключается в том, что алтайская семья несколько древнее большинства других языковых семей Евразии (в частности, древнее индоевропейской и финно-угорской), а потому современные (и старописьменные) алтайские языки, естественно, сохранили меньше общих элементов, а сохранившиеся общие элементы в них подверглись большим трансформациям, чем это имело место в истории многих других языковых семей (в существовании которых никто не сомневается). С другой стороны, алтайские языки уже после распада продолжали контактировать между собой и изобилуют сравнительно поздними взаимными заимствованиями. Однако тщательная процедура сравнительно-исторического анализа, как нам кажется, позволяет отделить заимствованные элементы от исконных и на основании последних воссоздать в основных чертах всю сложную и запутанную историю развития алтайской языковой семьи.